

Момпан

переводчик

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. БАРХУДАРОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
Москва • 1971

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ № 8

Сборник издается на общественных началах

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Л. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

До сравнительно недавнего времени перевод рассматривался только как литературоведческая, эстетическая проблема. Первые попытки выделить лингвистическое исследование перевода в специальную науку были приняты скептически как литературоведением, так и лингвистикой¹, но несмотря на это, количество работ, посвященных проблемам лингвистической теории перевода, быстро увеличивается.

Лингвистическая теория перевода еще не сформировалась окончательно как наука, и прежде всего потому, что в ней недостаточно однозначно и обоснованно выделены объект и предмет исследования. Теоретические изыскания резко различаются не только исходными принципами, но прежде всего объектом исследования. Если, например, индуктивная теория А. Федорова² имеет своим объектом совокупность конкретных текстов и на основании эмпирически полученных данных делает выводы, то дедуктивная теория И. Ревзина и В. Розенцвейга³ своим объектом имеет лингвистический акт коммуникации, т. е. сам процесс перевода, опираясь при этом не на конкретные переводы, а на различные типы межъязыковых соответствий.

В выборе предмета исследования наблюдается большее единство. Большинство исследований имеют своей целью установление закономерных межъязыковых соответствий в парах языков. Эти соответствия пытаются нащупать на различных уровнях языковой системы, начиная от фонетического и кончая стилистическим⁴. Делаются также попытки установить соответствия в системах инвариантных семантических единиц (понятийных категорий)⁵.

Сопоставление языковых систем могло бы стать основой теории перевода, если бы мы видели в языке лишь знаковую систему, кодирующую содержание, и возможно было бы рассматривать перевод как простое перекодирование из одной системы в другую. Но подход к языку как к знаковой системе — лишь одна из созданных наукой абстракций, моделей, применяемых для изучения каких-то (но не всех) сторон этого сложного явления. Язык — не только совокупность элементов знаковой системы, но и их функционирование, употребление в речи, где они вступают в семантические связи и актуализируются в результате взаимодействия друг с другом и неязыковой реальностью. Поэтому наличие соответствий в парах языковых систем еще не означает, что в тексте, при функционировании, эти соответствия сохраняются, поскольку материал (и не только языковой) в статике имеет несколько иные свойства, чем в процессе. Поэтому закономерные соответствия в языковых системах так часто непригодны как «рецепты» в конкретных речевых ситуациях.

При переводе мы имеем дело не с языком вообще, а с конкретными речевыми произведениями. (Речь — такая же лингвистическая сущность, как и языковая система, и так же может быть, и в последнее время становится, полноправным объектом лингвистического исследования. Для изучения речи требуются иные абстракции, учитывающие, в числе прочих факторов, взаимодействие элементов речи с неязыковой реальностью.) Более того, мы имеем дело не просто с речевыми произведениями, но с деятельностью по преобразованию речевого произведения с одного языка на другой, при сохранении плана содержания. Если рассматривать перевод как вид деятельности, отпадает вынужденная необходимость отделять материал от процесса, и становится возможным охватить исследованием языковую систему, ее реализацию и изменение реализации при переходе к другой языковой системе.

Предлагается считать объектом исследования перевод как вид речевой деятельности по преобразованию речевой структуры, образованной средствами одного языка (исходного — ИЯ), в речевую структуру, образованную средствами другого языка (переводящего — ПЯ); предметом исследования — необходимые для такого преобразования перестройки речевой структуры, имеющие целью сохранение ее смыслового инварианта.

Речевая структура образуется единицами языковой

системы, вступающими в синтагматические отношения и взаимодействующими с конкретной неязыковой реальностью.

Если семантическое содержание отдельной языковой единицы есть отражение частицы человеческого знания, языкового опыта, элемент понятийной структуры, то, включаясь в речь во взаимодействии друг с другом и неязыковой реальностью, они образуют замкнутые смысловые структуры, тот самый смысловой инвариант, который требуется сохранить при переводе. Эти смысловые структуры, конкретные «смыслы», бесконечно разнообразны, но в целом характеризовать их можно, пользуясь определением Г. Фреге, как «информацию, заключенную в имени и однозначно его характеризующую» (Г. Фреге рассматривает предложение как частный случай имен⁶). Смысл, по Фреге, имеет объективный характер и поэтому может быть достоянием многих людей. Поэтому он поддается переводу и не зависит от конкретного способа его выражения.

Понимая смысл как заключенную в сообщении информацию, выделим для исследования не всю информацию (в шенноновском смысле), но то «новое», ради чего сделано сообщение. Определить это «новое» возможно постановкой вопроса к смысловому центру сообщения. Ответ на вопрос (на разных языках) и составляет суть сообщения. Поясним примером:

A woman came out of the house.

Знающему английский язык понятно, что неопределенный артикль подчеркивает новизну сообщаемого и, таким образом, выделяет смысловой центр сообщения. Поэтому вопрос будет адресован члену предложения, при котором употреблен этот артикль:

Who came out of the house?

Кто вышел из дома?

Ответом на английском языке будет исходная фраза, а на русском — «из дома вышла женщина». Средства выделения смыслового центра здесь иные, но информация та же, что и в исходной фразе. Принцип замены, который Фреге использует для проверки тождества смысла, можно в данном случае использовать для установления эквивалентности смысла исходной фразы и перевода. Для этой цели его использует Дж. Кэтфорд, называя его коммутаций⁷. В нашем примере (для наглядности взят самый простой) при замене

элемента во фразе ИЯ выделяется новый смысловой центр, т. е. меняется ее смысл (о способах выделения смыслового центра здесь говорить не будем).

The woman came out of the house.

Вопрос к новому смысловому центру уже иной: "Where did the woman come from?". Откуда вышла женщина?, и соответственно ответ тоже иной: "The woman came out of the house" или «Женщина вышла из дома».

Дж. Кэтфорд полагает, что смысловую эквивалентность чаще всего можно установить на уровне предложения — грамматического единства, наиболее непосредственно связанного с речевым функционированием. Но предложение — понятие грамматики, а не речи. Для анализа речи необходимо иное понятие — речевая единица, т. е. такой отрезок речи, который при вычленении из речевой ткани сохранял бы качества речевого целого, а при дальнейшем расчленении терял бы их.

Очевидно, границы таких минимальных речевых отрезков нащупываются там, где связи между элементами текста (актуализованными языковыми единицами) слабеют, а это естественно ожидать там, где заканчивается одна мысль и начинается другая.

Речь идет о единице, отличной от предложения как одной из моделей языковой системы, где слова могут быть обозначены алгебраически, и от предложений с лексическим «наполнением», но взятых вне конкретной ситуации и обладающих только общим коммуникативным заданием (статических структурах), о «речении», динамической структуре, где содержание соотносится с конкретной ситуацией и где имеется конкретное коммуникативное задание, отражающее как объективные (постоянные), так и ситуативные (переменные) факторы, отрезке, который в силу этого является коммуникативной единицей речи.

Каковы же критерии определения границ этого «речения», или, пользуясь наиболее употребительным термином, «высказывания»?

Благодаря единству категорий мышления, план содержания воспринимается и интуитивно членится одинаково, чем и обеспечивается понимание. В речевом потоке получатель прежде всего улавливает коммуникативное задание, независимо от того, каким способом оно выражено.

Определение границ, в пределах которых в речевом потоке выражено коммуникативное задание, и будет определением границ высказывания.

Коммуникативное задание выражается посредством компонентов смысловой структуры. Исходя из вышеприведенного толкования смысла, компоненты смысловой структуры — это элементы высказывания, выражающие переход от известного к «новому», ради чего было сделано сообщение. (Пользуясь терминами теории актуального членения, будем называть их темой и ремой соответственно.) Итак, определение в потоке речи темы и ремы смыслового целого очерчивает границы высказывания. Тема и рема определяются, грубо говоря, вопросами: «что сообщается? что об этом сообщается?». Поясним простым примером: «Брат неожиданно заболел гриппом». «Кто?» — «Брат». «Что с ним случилось?» — «Неожиданно заболел гриппом». Даже на этом простом примере видно, что и тема, и рема могут представлять собой как отдельное слово, так и распространенную группу члена предложения; они могут включать и целое предложение, и даже группу предложений, например:

Христианство проникло на Русь не прямо через Иудею. Оно пришло к нам в конце X века новой эры через Византию.

Вопросы: «о чем сообщается?» — о христианстве, «что об этом сообщается?» — откуда оно пришло. Ответ на первый вопрос содержит одно слово. Ответ на второй включает часть первого и целиком последующее предложение. В переводе идентичное членение на предложения не сохраняется:

But Christianity came to Russia from Judea through Byzantium, in the late 10th century.

Сохраняются только компоненты смысловой структуры (ответы на вопросы те же), что может служить доказательством внутреннего единства выделенного речевого отрезка.

Таким образом, отрезок речи, выражающий коммуникативное задание и обладающий, следовательно, смысловой структурой (а потому смысловой законченностью и внутренней монолитностью), т. е. речевой отрезок, в изолированном от текста виде сохраняющий свойство быть речью (сообщением), можно считать минимальной речевой единицей текста. Наличие такой единицы, обладающей

«смыслом» — смысловой структурой с темой и ремой, — необходимо при сопоставлении речевых произведений на разных языках, но с одним планом содержания. Именно в пределах такого минимального речевого произведения практически возможно анализировать перестройки, имеющие место при замене одного плана выражения другим.

Как ни многообразны смысловые структуры, очевидно, в их построении есть свои закономерности.

Ученые предполагают, что еще до начала высказывания в мозгу человека происходит «внутреннее программирование»⁸ — возникает семантическая схема представлений, которая затем получает конкретную лексическую и синтаксическую реализацию. Если категории мышления универсальны, то и схемы представлений у носителей разных языков должны быть схожи, а вот языковая реализация — различна и зависит от возможностей того или иного языка. Например, высказывание: «Вышло так, что я оказался вне общества» имеет в английском языке следующую реализацию: “Something estranged me away from society”. (Как лексическая, так и синтаксическая реализация совершенно иная, но компоненты смысловой структуры сохранены.)

Следовательно, для передачи смысла необходимо знать закономерности его реализации, и прежде всего — закономерности реализаций компонентов смысловой структуры — темы и ремы, и уметь сопоставить эти закономерности в различных языках.

Передача смысла — не единственная задача переводчика. Всякое речевое произведение, помимо сообщения информации, оказывает на получателя, по воле говорящего, некоторое эмоциональное воздействие. Осуществить перевод — значит, средствами иного языка построить такую речевую структуру, которая оказывала бы на получателя такое же эмоционально-психологическое воздействие, как и исходная речевая структура, т. е. передавала бы ту же информацию и вызывала бы такую же реакцию (при этом несущественно, какими именно языковыми средствами). Следовательно, помимо смысловой, высказывание обладает еще одной функцией — эмоционально-экспрессивной, или эстетической. Наличие эстетической функции зависит от того, в какой степени данному речевому произведению присуща сложная образность, т. е. в какой степени она является «художественной моделью»⁹. Понятие художественной модели присуще не только произведениям искусства,

где эстетическая функция является ведущей (хотя не может целиком вытеснить смысловую функцию).

В других разновидностях речи эти две функции имеют иное соотношение. Оно варьируется в зависимости от цели высказывания и определяет принадлежность высказывания к различным функциональным стилям.

Выделяемые нами сущности — смысловая структура и художественная модель — абстракции, необходимые для анализа речевого произведения. Но при переводе они выступают в обнаженном виде — как сущности, которые нужно передать с одного языка на другой.

Сущности эти при переводе не остаются целиком неизменными. Неизменными должны сохраниться их функции — перевод должен передавать ту же информацию и оказывать такое же воздействие (смысловая и эстетическая функция). Сами же выделяемые сущности, как и речевая структура, через которую они выражены, претерпевают некоторые изменения. Это объясняется тем, что любое высказывание, помимо смысловой и эстетической функции, обладает еще одной — установкой на получателя (или, как ее иногда называют, директивной функцией).

Речевое произведение всегда адресовано получателю и принимает во внимание его осведомленность, его культурный уровень, его психологический настрой и т. д. При переводе получатель — в широком смысле — меняется. Изменяется не только арсенал языковых средств, но и общий уровень культуры носителей языка, исторические условия, в которых находится получатель. Приходится учитывать степень информированности получателя, наличие или отсутствие реалий, определенных литературных традиций и т. д., что вынуждает вносить изменения как в смысловую структуру, так и в художественную модель.

Изменения в смысловой структуре выражаются, главным образом, в расширении или сужении передаваемой информации. Сужение информации имеет место тогда, когда раскрываемая в ИЯ реалия является более знакомой для получателя на ПЯ, например, «газета «Таймс», и переводится на английский язык просто «the Times». Расширение информации имеет место тогда, когда возникает необходимость объяснить в тексте ПЯ реалию, близкую и понятную получателю ИЯ и не требующую в тексте ИЯ отдельных пояснений, например:

Там было обычное таежное болото.

Перевод с объяснением реалии выглядит так:

There was just an ordinary swamp, of the kind so common in the Siberian forestland, with its permafrost.

При возможности непонятная реалия заменяется привычной, как, например:

22 июня он ушел добровольцем на фронт.

Поскольку дата начала войны сама по себе может ничего не сказать получателю на ПЯ, но сам факт войны является общеизвестным, перевод выглядит следующим образом.

On the day nazi Germany attacked the Soviet Union he volunteered for the front.

Изменения в художественной модели связаны с отсутствием в ПЯ сходных с ИЯ литературных традиций, с тем, что образность, привычная для одного языка, вызывает в другом непривычные ассоциации, что может привести к изменению эффекта речевого произведения. По этой причине при переводе изменяются не только образы, но сменяются и так называемые «штампы закрытого кода», которые, будучи буквально переведены и не являясь штампами в ПЯ, создадут ненужный эмоциональный, или юмористический эффект, например: газетные клише типа «труженики села и деревни» переводится просто “workers,” «добились грандиозных успехов» — “the results were enormous” и т. д. При наличии в ПЯ соответствующего клише они заменяются, при отсутствии — объясняются, но обязательно с учетом оказываемого на получателя воздействия.

В целом о директивной функции можно сказать, что она включает детерминанты, обуславливающие изменения как в смысловой, так и эстетической функции. Задачей теории перевода, таким образом, является выявить все возможные перестройки речевой структуры при переводе речевого произведения на другой язык с целью сохранения трех основных выделяемых функций речевого произведения — смысловой, эстетической и директивной.

- ¹ См., напр., И. К а ш к и н. В борьбе за реалистический перевод. «Вопросы художественного перевода». М., 1955; или А. Р е - ф о р м а т с к и й. Лингвистические вопросы перевода. «Вопросы языкознания»; 1952, № 9.
- ² А. Ф е д о р о в. Основы общей теории перевода. М., «Высшая школа», 1968.
- ³ И. Р е в з и н, В. Р о з е н ц в е й г. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1969.
- ⁴ Л. Б а р х у д а р о в, Я. Р е ц к е р. Курс лекций по теории перевода. М., I МГПИИЯ, 1968.
- ⁵ А. Ж о л к о в с к и й. О правилах семантического анализа. «Машинный перевод и прикладная лингвистика». М., 1964, № 8.
- ⁶ Б. Б и р ю к о в. Теория смысла Готлоба Фреге. «Применение логики в науке и технике», АН СССР, № 3, стр. 52.
- ⁷ J. S a t f o r d. A Linguistic Theory of Translation. L., Oxford University Press, 1965, p. 49.
- ⁸ А. А. Л е о н т ъ е в. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., «Наука», 1969, стр. 134.
- ⁹ В. В. И в а н о в. О лингвистическом аспекте стихотворного перевода. «Машинный перевод». Труды ин-та ТМ и ВТ, вып. 2, стр. 570.

II

КОНКРЕТНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Т. ЛЕВИЦКАЯ и А. ФИТЕРМАН

(Москва)

ПОЧЕМУ НУЖНЫ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ?

Переводчику нередко приходится прибегать к грамматическим трансформациям — перестановкам, заменам (синтаксическим и морфологическим), опущениям или добавлениям одного или нескольких слов. Грамматические трансформации обуславливаются различными причинами — как чисто грамматического, так и лексического характера, хотя основную роль играют грамматические факторы, т. е. различия в строе языков. Как известно, английский язык является языком аналитическим и поэтому отношения между словами выражаются в нем, в основном, порядком слов, т. е. синтаксическими средствами, поскольку морфологическое начало играет подчиненную роль. (В русском языке синтаксический и морфологический аспекты по существу равноценны.)

Такой приоритет синтаксиса часто создает трудности для перевода. Например, придаточное предложение стоит как бы ступенью ниже по отношению к главному, и если в обоих предложениях речь идет об одном и том же лице или предмете, то подлежащее придаточного предложения выражается местоимением, тогда как подлежащее главного предложения — существительным или именем собственным, независимо от места придаточного предложения. Таким образом, если придаточное предложение стоит перед главным, то может сложиться впечатление, что речь идет о разных лицах или предметах. Такое иерархическое выражение подлежащего часто не может быть сохранено в переводе, поскольку это противоречит логическому началу, доминирующему в русском языке.

While **he** is seeing Gromyko, **Brown** could also discuss with him the nuclear non-proliferation draft treaty... (M. S.)

При переводе приходится заменять местоимение в придаточном предложении именем собственным.

Когда **Браун** встретится с Громыко, **он** мог бы также обсудить с ним проект договора о нераспространении ядерного оружия.

Конечно, возможен и другой вариант перевода, например,

Во время встречи с Громыко Браун мог бы обсудить с ним...

Другим примером доминирования синтаксического начала в английском языке может служить частое употребление однородных членов предложения, соединенных союзом **and**, которые принадлежат к различным логическим планам. Например, в рассказе В. Сарояна "A Number of the Poor".

One summer I worked two months in a grocery store... It was a little store on Grove Street in the slums. The people who came to the store were all **interesting and poor**.

Как-то летом я работал продавцом в бакалейной лавке... Это была лавчонка на Гроув Стрит, в районе трущоб и все покупатели были **бедняки, но зато очень интересные люди**.

Эти прилагательные: **interesting and poor** относятся к разным логическим планам; в английском предложении они сцеплены союзом **and**, а в переводе приходится их разъединить и даже противопоставить друг другу, столь велика в данном случае их логическая несовместимость.

Помимо трудностей, создаваемых различиями в порядке слов, о чем речь будет ниже, необходимо остановиться на ряде явлений, характерных для современного английского языка и связанных с его аналитическим строем. Эти явления также трудны для перевода. К ним относятся конверсия, определения, образованные соположением, атрибутивные группы, перенесенные эпитеты и перенос грамматического значения. Все эти явления очень тесно между

собой связаны и порождены, в основном, одной причиной — исчезновением флексий.

Конверсия как способ словообразования является одним из самых продуктивных и эффективных. Одни слова, образованные конверсией, становятся частью словарного состава языка, другие бывают окказиональными. При образовании таких слов всегда преследуется одна и та же цель: достижение сжатости и выразительности — качеств, которыми, очевидно, объясняется популярность такого способа словообразования, а также трудность их передачи в переводе.

The short-time working which began at Christmas in Lancashire **has snowballed** into a large-scale slump in the cotton industry. (D. W.)

Неполный рабочий день, введенный на рождество в Ланкашире, **быстро перерос** в кризис, охвативший всю текстильную промышленность.

В данном переводе образность пропала, хотя в других контекстах, глагол to snowball часто переводится «рос с быстротой снежного кома или с быстротой лавины».

Следующий пример из книги Дж. Стейнбека “Travels with Charly” служит подтверждением того, с какой легкостью в английском языке используется конверсия.

Let me say in the beginning that even if I wanted to avoid Texas I could not, for I am **wived** in Texas and **mother-in-lawed** and **uncled** and **aunted** and **cousined** within an inch of my life.

С самого начала я должен оговориться, что даже если бы я и хотел миновать Техас, я не смог бы этого сделать — ведь там у меня и жена и теща и всякие дядюшки и тетушки и двоюродные — **хоть пруд пруди**.

Некоторая компенсация живости и юмора, создаваемых в оригинале конверсией, достигается в переводе употреблением множественного числа и разговорностью.

Очень близко к конверсии примыкает способ образования определений путем соположения существительных. Такой способ выражения определения необычайно удобен, что и привело к его широкому распространению во всех стилях речи. А большая употребительность сделала такие

сочетания очень емкой формой, способной выражать самые различные отношения. Перевод обычно распространеннее, многословнее оригинала. Например, сейчас в США имеет широкое хождение сочетание *gun law*, которое не означает *law of the gun* — «закон оружия», а «закон о контроле над продажей и ношением оружия».

Дальнейшим развитием такого типа определения можно считать так называемые атрибутивные группы или цепочки определений, образованных соположением. Синтаксические отношения внутри атрибутивной группы, т. е. между ее элементами, бывают очень разными и для ее перевода нужно правильно определить все звенья этой группы и связи между ними. Например:

Mr Glyn Williams, Conference Arrangements Committee Chairman, promised to consider the protest.
(MS, 1968)

Слово *chairman* определяется словом *committee*, которое, в свою очередь, определяется сочетанием *conference arrangements*.

Председатель комитета по подготовке конференции,
м-р Глин Уильямс, обещал рассмотреть этот протест.

Атрибутивная группа может состоять из целого предложения. Например:

Israel must change its attitude warning. (MS, 1968)

Предупреждение Израилю: необходимо изменить позицию.

или:

Предупреждение Израилю: измените свою позицию.

Как уже говорилось выше, сжатость и широкая распространенность определения, образованного соположением, привели к тому, что оно стало выражать самые различные синтаксические отношения. Отсутствие аналогичного явления в русском языке вызывает необходимость грамматической трансформации при переводе. Например, определение *mountain* выражает различные отношения в сочетаниях *mountain air* и *mountain death*. В первом случае оно выступает в роли прилагательного и соответственно переводится прилагательным — «горный воздух». Во втором примере оно выражает обстоятельственные отношения и поэтому переводится обстоятельством места — «смерть в

горах». Многие заголовки, в которых наблюдается сдвиг грамматического значения, могут быть поняты только из контекста. Например.

Lisbon jailings

A Lisbon court yesterday sentenced two engineers to twenty six months imprisonment for alleged subversive activities and belonging to the Portuguese Communist party. (MS)

Формально являясь в обоих случаях определением, слово **Lisbon** в первом случае выражает обстоятельственные отношения, а во втором — атрибутивные, и это находит отражение в переводе:

Приговоры, вынесенные в Лиссабоне

Вчера Лиссабонский суд приговорил двух машинистов к одному году и четырем месяцам тюремного заключения за так называемую подрывную деятельность и принадлежность к коммунистической партии Португалии.

Многозначность определений, образованных соположением, усугубляется также и тем, что имена собственные в такой функции часто употребляются без форманта **'s** и истинный характер связи между элементами становится понятным только из контекста. Например, сочетание **Du Bois Message** хочется в первую очередь перевести как «послание Дюбуа». Однако из текста выясняется, что это послание является соболезнованием, направленным жене Дюбуа по поводу его смерти.

Говоря об определениях, хотелось бы еще остановиться на широком распространении в английском языке так называемого перенесенного эпитета, который логически относится к иному слову, чем синтаксически. В отличие от русского языка, перенесенный эпитет употребляется здесь очень часто и не только в поэзии, но и в художественной прозе, а иногда и в газетном стиле. При его переводе часто приходится прибегать к грамматической трансформации. Например:

She waited five impatient minutes before the door was opened by Jeff himself. (A. Se t o n. Dragonwick)

Она нетерпеливо ждала **целых** пять минут пока сам Джеф не отворил ей дверь.

Благодаря наречию перевод в какой-то степени утрачивает свою выразительность, что в некоторой степени компенсируется дополнительным словом «целых». В другом контексте можно было бы воспользоваться каким-нибудь эмоционально-окрашенным прилагательным — «томительный», «мучительный» и т. п.

Все вышеупомянутые явления, столь типичные для современного английского языка, были рассмотрены так подробно, потому что при передаче их на русский язык приходится прибегать к грамматическим трансформациям. Теперь следует рассмотреть несовпадения между грамматическими явлениями английского и русского языков, вызываемые различием в их структуре, в более широком плане. Эти несовпадения носят различный характер — иногда бывает полное несовпадение, иногда лишь частичное. Полное несовпадение бывает в тех случаях, когда в русском языке вообще отсутствует грамматическая форма, которая есть в английском. (Например, герундий, перевод которого всегда требует грамматических замен.) И наоборот, бывают случаи, когда какая-то грамматическая категория существует в обоих языках, но полного совпадения между ними нет. Примером может служить категория числа. Она существует в обоих языках, но употребление единственного и множественного числа не всегда совпадает. Например:

United Nations Secretary-General U Thant has strongly criticised South Africa, Rhodesia and Portugal for their **policies** in Africa. (MS)

Генеральный секретарь ООН У Тан подверг резкой критике Южную Африку, Родезию и Португалию за **политику**, проводимую ими в Африке.

Существительное «политика» не имеет множественного числа, ибо слово «политики» является формой множественного числа от существительного «политик» — *политический деятель*.

Бывают и такие случаи, когда английская грамматическая категория является более широкой, чем русская. Например, форма Present Perfect может соответствовать русскому прошедшему времени и настоящему времени. На-

пример, I have read this book может, в зависимости от контекста, быть переведено как — «Я читал эту книгу» и «Я прочел эту книгу». Present Perfect в предложении I have known him for ages переводится настоящим временем — «Я знаю его уже много лет».

Попутно следует отметить, что наблюдается и обратное явление — русская грамматическая категория имеет более широкое значение. Ср. «Он работал» и he worked, he was working.

Еще следует упомянуть о случаях частичного совпадения, когда данная грамматическая категория существует в обоих языках, но совпадает не во всех своих формах. Например, инфинитив. Русское неопределенное наклонение не имеет ни перфектной, ни продолженной формы. В русском языке также нет инфинитивных комплексов, которые так распространены в английском языке.

Таким образом, все вышеуказанные явления — отсутствие соответствующей формы, частичное совпадение, различие в характере и употреблении формы — вызывают необходимость грамматических трансформаций при переводе, которые сводятся к четырем видам: перестановки, замены, добавления и опущения.

Перестановки вызываются различиями в структуре предложения — различным порядком слов в английском и русском языках. Например:

A press conference was held in Washington yesterday. Вчера в Вашингтоне состоялась пресс-конференция.

Перестановка иногда вызывается характером подлежащего. Большая группа подлежащего слишком далеко отодвигает сказуемое от самого подлежащего.

An important landmark in the creation of fraternal unity between the youth of Britain and that of her former colonies in Asia, Africa and America has been reached. (D. W.)

Между основным словом группы подлежащего (landmark) и сказуемым стоят 22 слова. Разрыв слишком большой и требует перестановки — вынесения сказуемого в начало предложения.

Был достигнут важный этап в создании братского единства между молодежью Англии и молодежью ее бывших колоний в Азии, Африке и Америке.

Однако перестановка в чистом виде встречается очень редко. Обычно она сопровождается заменой частей речи, как видно из предыдущего примера. При переводе нижеследующего предложения требуется не только перестройка предложения, но и ряд замен.

United States and Chinese **negotiators** held the fifth session of their talks on the problem of civilian repatriation at U. N. headquarters at Geneva today. (D. W.)

Сегодня в штаб-квартире ООН в Женеве состоялась пятая встреча представителей США и Китая по вопросу о репатриации гражданских лиц.

Помимо перестройки предложения — выноса в начало предложения обстоятельств времени и места, перестановки сказуемого и замены подлежащего и дополнения — потребовался ряд других замен, как грамматических, так и лексических. Поскольку простому глаголу *to negotiate* в русском языке соответствует устойчивое сочетание — «вести переговоры», естественно, нет и производного существительного, обозначающего агента действия. Поэтому существительное *negotiator* переводится при помощи лексической замены — «представители». Английское сказуемое *held* выражено переходным глаголом с прямым дополнением, а подлежащее является агентом действия. В русском переводе сказуемое выражено возвратным глаголом и подлежащее уже не является агентом действия — «состоялась встреча». Прилагательные *Chinese*, *civilian* и соответственно определения *United States* и *United Nations* переведены существительными в родительном падеже из-за разной сочетаемости в английском и русском языках: «представители США и Китая, штаб-квартира ООН, репатриация гражданских лиц».

Следует отметить, что при переводе пришлось также прибегнуть к опущению *of their talks* и добавлению — «гражданских лиц», т. е. ко всем четырем видам трансформации.

Замена частей речи при переводе также бывает вызвана отсутствием соответствующего прилагательного. Например:

An attempted overthrow in Ethiopia. (D. W.)
Попытка совершить переворот в Эфиопии.

В нижеследующем примере замена адъективизированного причастия прошедшего времени существительным вызвана не отсутствием соответствующей формы пассивного причастия, а требованиями сочетаемости.

The war in Vietnam is fostering the same sort of **confused** frustration that helped to elect President Eisenhower in 1952. (The Times)

Война во Вьетнаме порождает такое же чувство **смятения** и разочарования, какое способствовало избранию Эйзенхауэра в 1952 году.

Различная сочетаемость привела к замене в переводе прилагательного *immediate* наречием в следующем примере:

The N. L. F. (the National Liberation Front) declared yesterday that it would not negotiate with Britain until the British Government stated it would grant **immediate** independence to South Arabia. (MS)

Вчера Национальный Фронт Освобождения объявил, что он отказывается вести переговоры с Великобританией до тех пор, пока английское правительство не заявит, что оно **немедленно** предоставит независимость Южной Аравии.

Замена частей речи может быть вызвана и другими ображениями лексического порядка, например, отсутствием соответствующего значения данного слова в русском языке.

In a display of loathsome servility, Mr George Brown backed the US denials of the bombings, speaking in Parliament on December 19. (MS)

Англо-русский словарь В. К. Мюллера дает следующие значения существительного *display*: 1. развертывание перед глазами, показывание и пр.; 2. выставка; выставление себя на показ, хвастовство.

Ни одно из этих значений не передает значения существительного *display* в этом контексте. Кроме того, предложная группа *in a display* не может быть передана предложной группой в русском языке. Переводчику приходится временно прибегнуть к грамматической и лексической трансформации:

Выступая в парламенте 19 декабря, Д. Браун **проявил** отвратительное низкопоклонство, поддержав США, которые отрицают, что имели место бомбардировки Вьетнама.

Как было видно из вышеприведенных примеров, добавление и опущение часто сопровождают другие виды трансформации.

Опущения имеют место при переводе часто в тех случаях, когда отдельное слово, словосочетание или даже целое придаточное предложение является избыточным с точки зрения русского языка.

Winter rains in the Jordan Valley are violent, **while they last.** (К. К е n y o n. Digging up Jericho.)
Зимой в долине Иордана бывают страшные ливни.

Опущения могут также вызываться лексико-стилистическими особенностями английского языка, например, своеобразным употреблением синонимических пар. Сохранение таких пар в переводе далеко не всегда возможно и желательно, т. к. иногда такая синонимическая пара в русском языке может быть воспринята как плеоназм. Например

Dr. Fedorenko, the permanent Soviet delegate, said: Mr Goldberg (the chief American delegate) had played **old sounds and tunes.** (MS)

Постоянный представитель Советского Союза в ООН Федоренко сказал, что представитель США в ООН Голдберг пел все ту же старую **песню.**

Часто при переводе приходится вводить дополнительные слова из-за различия в структуре, из-за различной сочетаемости или из-за того, что более сжатые английские предложения требуют в русском языке развернутого выражения мысли.

Weathermen said here today that typhoon June, **earlier thought** to be heading toward Japan, would probably miss these already battered islands. (MS)

Японские метеорологи сообщили сегодня, что ураган Джун, который, **как полагали раньше,** движется на Японию, возможно, минует эти многострадальные острова.

Эллиптическая причастная конструкция *earlier thought* разворачивается в придаточное предложение. Одновременно происходят и другие трансформации. Традиционный перифраз *here* передается названием страны, из которой поступает сообщение. Наречие *already* в сочетании с определением *battered* полностью передается русским прилагательным «многострадальный».

Сжатость английской фразы и различие в сочетаемости вызывают необходимость введения дополнительных слов в нижеследующих примерах:

There is a rapid advance of political consciousness in the National Liberation Movement. (*“Labour Monthly”*).

Среди участников народно-освободительного движения наблюдается быстрый рост политической сознательности.

“We mean business,” said Mr Wilson in the Commons yesterday, announcing new Government moves to hasten Britain into Europe.

«У нас серьезные намерения», — сказал Вильсон вчера в Палате общин, сообщая о новых шагах правительства, **цель которых ускорить вступление Англии в Общий рынок.**

Таким образом, необходимость в грамматических трансформациях вызывается в первую очередь различием в структуре двух языков, которое проявляется в полных или частичных несовпадениях. Но грамматические трансформации также бывают часто нужны и из-за лексических несовпадений — различной сочетаемости или отсутствия слов соответствующего значения в языке, на который делается перевод, или из-за различий в употреблении слова и разной семантической структуры. Грамматические трансформации редко встречаются в чистом виде, обычно они сочетаются не только друг с другом, но и с лексическими трансформациями. Умение легко и свободно ими пользоваться — залог адекватного перевода.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВЫБОРА СЛОВА В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Одним из серьезных недостатков при переводе с русского на английский язык общественно-политических, научно-технических и других текстов, особенно переводчиками, еще не имеющими достаточного опыта, является немотивированный выбор многословного дескриптивного варианта, обычно копирующего исходную модель подлинника для выражения тех или иных понятий.

Представим себе, что начинающему переводчику предстоит перевести в определенном контексте словосочетание «расположить что-либо в алфавитном порядке». Естественно, что он обращается к словарю. Предположим, что из ряда контекстуальных вариантов, приводимых в словаре под рубрикой «располагать», он выберет правильный — *to arrange*. Затем он будет искать возможные варианты передачи словосочетания «алфавитный порядок». Словарь подскажет ему (*in*) *an alphabetic order*. Таким образом, оптимальный вариант, почерпнутый из словаря, будет *to arrange smth. in an alphabetic order*.

Очевидно, что более опытный переводчик, исходя из стилистического задания, сможет заменить словосочетание *in an alphabetic order* более экономным и менее формальным наречием *alphabetically*: *to arrange smth. alphabetically*, но этого словарь, как таковой, ему уже не подскажет. И тем более, словарь не подскажет ему еще более экономной формы, а именно глагола *to alphabetize*, основным значением которого как раз и является «располагать что-либо в алфавитном порядке»; «снабжать алфавитом».

Таким образом, даже в тех случаях, когда в русско-английском словаре и находит отражение понятие того или иного определенного действия, выраженного фразеологическим словосочетанием с глаголом, предлагаемые английские соответствия обычно представляют собой описательные фразеологизмы.

Остановимся на некоторых группах английских глаголов, имеющих лишь описательные фразеологические соответствия в русском языке. Здесь мы сталкиваемся с самыми

различными разрядами, отличающимися по моделям словопроизводства, объему значений и функционально-стилистической принадлежности.

I. Объективные отношения¹

1. Суффиксальные глаголы

А. Весьма продуктивна в современном английском языке группа глаголов с суффиксом *-ize (-ise)*, принадлежащая преимущественно книжному языку, больше всего его специальным стилям, с широким диапазоном вариаций предметно-глагольного признака: превращать или обращать в то, придавать характер или подвергать воздействию того, насыщать, пропитывать тем, или включать в то, что обозначено именной основой глагола; заниматься определенным видом деятельности или доводить до состояния, заложенного в семантике глагольной основы; размещаться, располагаться, распределяться или производиться тем способом, как это обозначено в глагольной основе, и некоторые другие смежные значения, ср.:

а) превращать венозную кровь в артериальную путем насыщения ее кислородом	arterialize
обращать в христианство (католическую, магометанскую или исламскую веру, в протестантство)	Christianize (catholicize, Mohammedanize, protestanize)
распространять гражданский статус на военных	civilianize
б) придавать чему-л. международный характер	internationalize
подвергать (ткань) механической обработке для предотвращения усадки (<i>текст.</i>)	sanforize
предавать анафеме	anathematize
в) подвергать действию иода; насыщать, пропитывать иодом	iodize
обрабатывать, насыщать теллурием	tellurize
составлять антологию; включать в антологию определенный материал	anthologize
г) заниматься филантропией	philanthropize
изучать этимологию; определять этимологию слова	etymologize
доводить до нищеты	pauperize
д) направлять что-л. по определенным каналам; проводить или возводить каналы или нечто им подобное	canalize
приводить в систему (порядок), распределять по категориям	methodize
categorize

е) ставить знак апострофа	apostrophize
объявлять незаконнорожденным; уни- жать достоинство	bastardize
демонтировать механизм для использо- вания его частей в других машинах	cannibalize
строить гипотезы	hypothesize
строить геометрические фигуры; приме- нять геометрические принципы	geometrize
делать ложные умозаключения	paralogize

Этот список можно было бы продолжить.

Естественно, что понятия определенного действия могут быть выражены в английском языке и с помощью фразеологических словосочетаний более общего глагола с дополнением или группой дополнений, ср.:

to arterialize	to transform (venous blood) into arterial blood by oxygenation;
to catholicize	to make or become catholic;
to anthologize	to compile an anthology; to put into an anthology;
to anathematize	to pronounce an anathema (against);
to apostrophize	to contract by apostrophe, to mark with an apostrophe;
to Grecize (Hellenize)	to render Greek, to give a Greek form or character;
to tellurize	to combine, impregnate, or treat, with tellurium

Нетрудно, однако, видеть по меньшей мере два заслуживающих внимания обстоятельства:

а) объяснительно-дескриптивный, описательный характер подобных словосочетаний по сравнению с параллельно существующей глагольной формой;

б) различие в стилистической маркировке обеих форм.

Глагольной форме данного словообразовательного типа присущ ярко выраженный терминологизм. Фразеологическое словосочетание с тем же значением лежит в иной функционально-стилистической плоскости: оно принадлежит менее терминологическим стилям речи — художественной прозе, публицистике, разговорному языку.

Нельзя, тем не менее, не отметить, что за последнее время многие из упомянутых выше глаголов все чаще встречаются на страницах периодической печати и в художественной прозе (анпр.: internationalize, universalize, editorialize, americanize, vietnamize, tantalize, etc.).

Употребление каждой из форм, таким образом, должно быть особо мотивировано смысловым и стилистическим заданием. Механическое использование при письменном пе-

реводе, особенно книжной речи и ее специальных стилей, английских описательных фразеологизмов в качестве соответствий «вынужденным» русским фразеологическим словосочетаниям с терминологическим значением определенного действия следует признать синтаксическим буквализмом, ведущим к излишней описательности, к нарушению стилистической соразмерности подлинника и перевода.

С другой стороны, злоупотребление терминированными глаголами описанного типа в менее терминологических стилях (публицистика и др.) также приводит к нежелательным стилистическим эффектам и его следует избегать.

Б. По существу непродуктивная и сравнительно малочисленная группа глаголов на *-ate* и *-fy*, также принадлежащая, в основном, книжному языку и его специальным стилям, ср.:

располагать в виде таблиц и диаграмм	tabulate
сокращать слово, опуская звук или слог в середине его (<i>грам.</i>)	syncopate
объединять на федеративных началах	federate
исполнять обязанности; совершать богослужение	officiate
превращать в жидкое состояние	liquify

2. Префиксально-суффиксальные глаголы

Малопродуктивная и сравнительно небольшая группа глаголов с вышеупомянутыми суффиксами *-ize (-ise)*, *-ate*, *-fy* и префиксами отрицательного значения *de-*, реже *in-*, преимущественно принадлежащая к тем же функциональным стилям, что и вышеприведенные разряды слов, ср.:

выводить из гипнотического состояния	dehypnotize
удалять водород (<i>хим.</i>)	dehydrogenize
лишать законной силы, делать недействительным	invalidate
разрушать феодальный строй	defeudalize
выводить из строя, делать непригодным	incapacitate

Нижеследующие разряды слов принадлежат, главным образом, общелитературному языку, соответственно, передача соответствующих им по значению в русском языке «вынужденных» фразеологических словосочетаний с помощью свободных словосочетаний, а не глагольной формы в английском языке, может быть оправдано только в очень ограниченных контекстах.

3. Префиксальные глаголы

А. Глаголы с префиксом **en-, in-**, с преимущественным значением 'помещать, размещать в или на том, что обозначено предметной основой' 'предоставлять, то, что значит в основе' ср.:

заманить (поймать) в ловушку	entrap
вводить судно в залив	embay
вставлять в рамку	enframe
возводить на престол	enthrone
жаловать титул, давать право	entitle
вербовать на военную службу	enlist

Ср. также: *entrain, enplane, impale, enshrine, enfranchise, etc.*

Б. Глаголы с отрицательным префиксом **dis-, de-**, с преимущественным значением 'лишать того, что обозначено именной основой', 'свергать', 'отстранять от', 'освободить от', 'удалять что-л.', и т. п., ср.:

лишать звания адвоката (права адвокатской практики)	disbar; disbench
лишать гражданских (избирательных) прав	disfranchise
понижать в чине (звании, ранге)	disrank
обрезать ветви (почки, молодые побеги)	disbranch (disbud)
свергать с престола	dethrone
удалять рога	dishorn

В. Глаголы с префиксом **un-** со значением 'лишать того, что обозначено основой', 'произвести действие, обратное обозначенному основой глагола', ср.:

лишать духовного звания	unfrock
сбросить с седла; лишить парламентского мандата	unseat
отодвинуть засов	unbolt; unbar
расстегивать пряжку	unbuckle
застежку	unclasp
крючок	unhook
пуговицу	unbutton
разгружать тележку	uncart

Г. Весьма продуктивная группа глаголов с префиксом **out-** преимущественно со значением 'превзойти по признаку, обозначенному основой глагола', реже — 'обойти со стороны или изгнать', ср.:

превосходить численностью, количеством	outnumber
иметь превосходство в технике (воен.)	outmachine
иметь перевес голосов	outvote
обойти с фланга	outflank

объявлять вне закона, изгонять из об- outlaw
щества

Д. Глаголы с префиксами **over-, ante-, post-** со значением соответственно 'усиления, превышения, более широкого охвата признака, обозначенного глагольной основой', 'отнесения действия к более раннему или позднему сроку', ср.:

обременять чрезмерными налогами	overtax
перегружать работой, давать непосильное задание	overtask
переполнять(ся), переливать(ся) через край	overbrim
датировать более ранним (или задним) числом	antedate
датировать более поздним сроком	postdate

4. Бессуффиксальные глаголы

Многочисленным «вынужденным» русским словосочетаниям «глагол + дополнение (или группа дополнений)», в которых зависимый член выражает орудие или объект действия, средство передвижения и ряд других понятий, в английском языке соответствуют бессуффиксальные, большей частью «отыменные» глаголы, образованные от названий конкретных предметов и обозначающие определенное действие с указанием на взаимосвязь этого действия с предметом, в нем участвующим. Лексический диапазон и виды связи носят очень широкий характер, равно как и возможности образования подобных слов в английском языке путем конверсии, ср.:

ударять (забивать, прибивать) молотком	to hammer
розгой (тростью)	to cane
палкой	to stick
дубиной	to club; to cudgel
наносить удар (ранение) ножом	to knife
кинжалом	to dagger
сгребать лопатой	to shovel
чистить щеткой	to brush
писать (записывать) карандашом	to pencil
ручкой, пером	to pen
закрывать (запирать) на замок	to lock
задвижку	to bolt; to bar
цепочку	to chain
застегивать(ся) на пуговицы	to button
крючок	to hook
пряжку	to buckle
молнию	to zip

посыпать сахаром	to sugar
пудрой	to powder
песком	to sand
разливать по бутылкам	to bottle
резать ломтями	to slice
кататься на лыжах	to ski
коньках	to skate
ехать (кататься) на велосипеде	to bicycle
такси	to cab; to taxi
перевозить на грузовике	to truck
пароходе	to ship
переправляться на пароме	to ferry (across)
класть в карман	to pocket

Все вышеперечисленные группы глаголов заслуживают более тщательного изучения как в плане внутриязыковой синонимии, так и в сопоставительно-переводческом плане. Особое внимание должно быть обращено на возможные способы выражения понятия «определенного» действия в обоих языках и соразмерность этих способов при переводе. Поскольку многие из приведенных глаголов (в частности, большая часть суффиксальных, префиксально-суффиксальных и префиксальных) не нашли отражения в русско-английских словарях, обучающемуся переводчику следует настоятельно рекомендовать смотреть по данным словарям именную часть русского глагольного словосочетания (дополнение, напр. «антология» в словосочетании «составить антологию» или «включить что-то в антологию» и т. п.) с последующей перепроверкой по толковому англо-английскому словарю соответствующего гнезда слов.

В свете вышеизложенного нельзя не остановиться еще на одном виде словосочетаний со значением определенного действия, буквалистическая передача которых при переводе на английский язык приводит к стилистической несоразмерности подлинника и перевода.

Книжные стили литературного русского языка широко пользуются устойчивыми фразовыми сказуемыми «описательного» типа, состоящими из полузнаменательных, семантически ослабленных глаголов как-то «оказывать», «приводить (вести) к», «проводить», «осуществлять», «заниматься чем-л.» и т. п. плюс имя существительное, обычно отглагольное, с зависимым членом, несущее конкретный смысл выражаемого сказуемым действия. По своему лексическому значению подавляющее большинство подобных словосочетаний синонимичны конструкции с глаголом, с которым соотносится отглагольное существительное, входящее в

состав таких фразеологических словосочетаний как их именная часть, ср.:

вести торговлю чем-л. (ср.: заниматься торговлей)	торговать чем-л.
вести переговоры с кем-л. о чем-л.	переговариваться с кем-л. о чем-л.
оказывать влияние на кого-л., что-л.	влиять на кого-л., что-л.
приводить к ослаблению уничтожению истощению	ослаблять, -ить что-л. уничтожать, -ить что-л. истощать, -ить что-л.
наносить поражение кому-л.	поражать, -ить кого-л.
производить проверку анализ чего-л.	проверять, -ить анализировать что-л.
расследование	расследовать
оказывать услугу	услужить

Язык художественной литературы и разговорная речь отдают предпочтение простой глагольной форме, хотя и здесь, особенно в языке художественной прозы, употребление фразовых сказуемых рассматриваемого типа занимает далеко не последнее место. Некоторые из них (напр.: «оказать услугу», «произвести впечатление», «нанести поражение», «устроить прием» и пр.) в силу смысловых расхождений с соответствующими глаголами (ср.: «услужить», «впечатлять», «поражать», «принять» и т. д.) вошли в общелитературную и разговорную речь, утратив специфический книжный характер.

Подобные параллели существуют во многих случаях и в английском языке, причем в одном случае такие парафразы носят по сравнению с соотносимым глаголом более разговорный характер (ср. фразовые словосочетания с глаголами *to give*, *to take*, *to make*, *to have* и пр.), а в другом — более книжный (ср. словосочетания с глаголами *to exert* (*pressure*, *influence*), *to exercise* (*control*), *to conduct* (*trade*, *negotiations*), *to render* (*assistance*), etc.).

Не вдаваясь в детальный анализ функционально-стилистического распределения фразовых сказуемых указанных типов в английском языке, отметим лишь то, что представляется существенным с переводческих позиций, а именно, значительное несовпадение в тенденциях употребления подобных конструкций в газетно-журнальных стилях русского и английского языков. В соразмеримых смысловых и стилистических ситуациях язык англо-американской прессы (общественно-политические тексты, публицистика, газетная информация) значительно шире пользуется про-

стым глагольным сказуемым, нежели фразовым именным книжного типа, столь типичным для соответствующих стилей современного русского языка, ср.:

найти свое отражение (воплощение to be mirrored (embodied in) в...)

привести к ослаблению	to weaken
устроить обыск	to search
осуществить запуск	to launch
выступить с отчетом	to report back to
сделать вывод	to conclude
заявить протест	to protest
пойти на уступки	to give in
привести к обострению	to aggravate
нанести поражение врагу	to defeat the enemy

Таким образом, в упомянутых стилях в качестве общей закономерности следует признать чисто глагольную форму (простое сказуемое) в английском языке нормативной в тех случаях, когда в русском употреблено фразеологическое глагольно-именное словосочетание (сказуемое) с семантически ослабленным глаголом (книжный парафраз простой глагольной формы). Нарушение данного принципа без достаточных на то оснований ведет к ранее упомянутым дефектам — излишней описательности, рыхлости структуры английского предложения, стилистической несоразмерности подлинника и перевода.

Описанный принцип в общем и целом применим и в отношении русских описательных сказуемых форм с глаголом-связкой «быть» при наличии в языке синонимичной глагольной пары (ср.: «быть участником» — «участвовать» и пр.) с глаголами «являться», «иметь место», «состояться» и т. п.

II. Адвербиальные отношения²

Смысловые отношения, выражаемые в русском языке словосочетаниями «глагол+обстоятельство (группа обстоятельственных слов или конструкций)» со значением определенного действия настолько многообразны, что дать исчерпывающую классификацию в небольшой статье не представляется возможным. Остановимся на отдельных, наиболее характерных и часто встречающихся явлениях.

1. Небольшая, но употребительная группа глаголов (обычно от основы прилагательного), в которых действие или состояние сочетается с количественным признаком. В русском языке действие (состояние) и признак выражаются раздельно, ср.:

приблизительно равняться	to approximate
в целом составлять	to total
в среднем быть равным (составлять)	to average
часто посещать	to frequent
увеличивать до предела	to maximize
доводить (сводить) до минимума	to minimize
и некоторые другие	

2. Группа глаголов с префиксом **mis-** со значением 'делать что-то неверно, неправильно, незаконно, дурно', ср.:

неправильно использовать	to misapply; misuse
ошибочно (превратно, неверно) понять	to misapprehend, mis-comprehend, mis-conceive, misunder-stand
незаконно присвоить	to misappropriate
неверно направлять, адресовать	to misdirect

3. Небольшая группа глаголов с префиксом **under-** со значением 'делать что-то в недостаточной мере', напр.:

действовать недостаточно энергично	to underact
недостаточно работать или недостаточно полно что-то использовать (<i>напр.</i> тех- нику)	to underwork
выпускать продукцию в недостаточном количестве	to underproduce
снабжать недостаточным инвентарем (фер- му) или количеством товаров (магазин) и другие	to understock

Ср. глаголы на **-ize(-ise)** с адverbиальным значением:

относиться по-братски	fraternize
чрезмерно увлекаться едой, есть жадно и много и т. п.	gormandize; glutton-ize

Упомянутые разряды глагольных слов, равно как и нижеследующие, принадлежат общелитературному языку.

4. Значительная по размерам и весьма разнообразная по адverbиальным характеристикам и оттенкам значений группа глаголов движения (ходить, передвигаться и т. д.), ср.:

идти, переваливаясь с боку на бок (как утка); неуверенно, неуклюже, пошатываясь (как ребенок, делающий первые шаги); идти вразвалку	to waddle (cf.: to flop)
с трудом пробираться (по грязи, снегу, воде и т. п.)	to wade (cf.: clamber; scramble; shin)

передвигаться с трудом, барахтаясь	to flounder
идти чинно, с важным (надменным, напыщенным видом), шествовать, гордо выступать	to strut; stalk
гарцуя гоголем	to swagger
позируя, спесиво	to prance
быстро идти, ехать, катиться	to peacock
	to bowl (along) (cf. : to bounce (into or out of)
идти тяжело, неуклюже или медленно	to lob
двигаться осторожно, стараясь не привлечь к себе внимания (незаметно уйти, войти и т. д.)	to slip (cf. : to slide)
двигаться крадучись, украдкой, бродить неслышными шагами	to slink; sneak; steal; to lurk, creep; prow; stalk (cf. : to skulk; dodge)
двигаться ощупью, спотыкаться	to blunder
идти по скользкой дороге, нетвердой походкой, время от времени скользя	to slither
идти с трудом, устало тащиться	to trudge (cf. : to pad)
тяжело ступать, с силой наступать	to tramp; trample
идти неверной, нетвердой походкой (ковыляя, пошатываясь)	to stagger; totter (cf. : to wobble; wamble)
медленно, но неуклонно продвигаться вперед	to jog
двигаться рывками, толчками	to jerk; joggle
идти сутулясь, неуклюже держась	to slouch
двигаться тяжелой поступью, неуклюже, шумно (проламываясь сквозь чащу и пр.)	to lumber (cf. : to pound)
двигаться с грохотом (громыхая)	to rumble (cf. : to clatter; rattle)
идти, широко расставляя ноги	to straddle
двигаться в беспорядке, идти вразброд	to jumble
двигаться (по неровной дороге), подпрыгивая, трястись	to jolt (cf. : to bump; bounce)
идти мелкими, нетвердыми шагами (наподобие ребенка, начинающего ходить), ковылять; не спеша прогуливаться на досуге	to toddle
и т. п.	

Выбор любого из этих глаголов в соответствующей ситуации вместо использования описательного оборота «родового» глагола типа to go, to walk; to move, etc. плюс группы обстоятельственных слов, включая причастные обороты и конструкции, не только поможет избежать излишней описательности (следовательно, достичь большей экономии языковых средств) и избавиться от рыхлости структуры английского предложения, но и сделает перевод более идиоматичным, выразительным, образным и доходчивым.

5. Глаголы звуковой характеристики действия.

Данная группа глаголов, весьма обширная в количественном отношении, выражает многообразные звуковые нюансы и оттенки речи, движений и т. п. Характеристики подобного рода часто передаются в русском языке описательно, с помощью обстоятельственных слов и оборотов (особенно, в авторской речи), примыкающих к «родовому» глаголу.

Глаголы, используемые для характеристики речи, манеры говорить, держаться и т. п.:

говорить скороговоркой	to patter
быстро и непрерывно болтать (часто по пустякам и не к месту)	to chatter (cf.: to chat; gab; prattle; babble; gabble)
говорить быстро и невнятно (трещать, тараторить, бормотать) хвастливо	to jabber, jibber
бессвязно, сумбурно, беспорядочно брызгая слюной	to prate (cf.: to boast; brag; swagger; buck)
картавя	to slummock
щепелявя	to sputter
щебеча	to burr
напевая про себя (под нос, сквозь зубы)	to lisp
монотонно, нараспев, певуче	to chirp
	to hum
	to singsong; chant; peal; chime (cf.: to sing-talk)
каркающим или квакающим голосом в нос, гнусавя	to croak
говорить, кричать резким, пронзительным голосом, визгливо неприятным, скрипучим голосом	to snuffle
	to scream; shrill; screech; squeal; squeak; squall; squawk; grate; scroop; creak; scream

6. Глаголы, относящиеся к различным сферам человеческой жизни и деятельности:

а) глаголы видения и отношения к кому-л., чему-л., манеры что-л. делать, (смотреть, есть, пить, писать и пр.):

взглянуть исподлобья; глядеть хмурясь	to frown
сердито смотреть	to scowl
смотреть пристально; с изумлением уставиться	to stare (cf.: to gaze; gaze)
с улыбкой взглянуть на кого-л.	to smile on smb.

смотреть с самодовольной, деланной или глупой улыбкой;	to smirk; simper
с ухмылкой	to grin (cf.: to leer)
радушно улыбаться, расплываясь в улыбке	to beam
смотреть искоса, украдкой	to squint
смотреть свысока, с презрением	to snub
отвергать с презрением	to spurn
пристально разглядывать, изучать; тщательно исследовать	to scan, scrutinize, con
бегло, поверхностно прочитывать, просмотреть что-л.	to skim (cf.: to skip; gloss over)
работать спустя рукава	to scamp
плохо выполнять какое-л. дело, работать небрежно	to slobber; slubber
коротко записать, бегло набросать и т. д.	to jot (down)

б) глаголы, характеризующие состояние человека:

утомлять до изнеможения	to tucker (cf.: to fatigue; tire (out))
дышать с трудом (ловить воздух)	to gasp
дышать часто и тяжело	to pant
дышать с присвистом, хрипеть	to wheeze

в) глаголы, характеризующие общественно-политические и иные действия и явления:

стремительно расти (о домах и пр.)	to mushroom
быстро, стремительно расти (о ценах и т.п.)	to jump; soar; spiral; skyrocket
резко падать, сокращаться (о ценах, жизненном уровне и т. д.)	to dwindle, slump, slash
резко критиковать	to slash; lash; slam; batter
поспешно (в спешном порядке)	to rush, railroad
провести или протолкнуть законопроект и т. д. и т. п.	

Хорошо развитая синонимия в английском языке, в частности, в разряде глагольных слов, отмечается многими авторами. Длинные перечни глаголов, служащих для выражения приблизительно аналогичного основного понятия действия, явление типичное для английского языка. Естественно, что в подавляющем большинстве случаев каждый из таких глаголов отличается от своего синонима несколько иной конкретной характеристикой основного понятия действия, тем или иным конкретным признаком. Различия могут заключаться в степени интенсивности действия, в смысловых оттенках (манера совершения или протекания действия и т. д.), в стилистической окраске слова (метафоричность, образность и пр.), в принадлежности слова к

определенному функциональному стилю и его специфических фразеологических связях.

- Поскольку большая часть этих слов не приводится в русско-английском словаре, начинающему переводчику следует пользоваться словарем "ROGET'S THESAURUS", в котором слова и выражения расположены по понятийно-ассоциативному принципу, с последующей перепроверкой отобранных слов по толковому англо-английскому словарю. Большую помощь может также оказать любой английский словарь синонимов и руководство по словоупотреблению, например, Fowler "Modern English Usage".

Итак, при передаче степени интенсивности, смысловых (включая контекстуальные) и фразеологических оттенков значений многих английских глаголов в русском языке нередко приходится прибегать к словосочетаниям «общего» или «родового» глагола с обстоятельственными и дополнительными элементами, т. е. к расчлененному выражению определенного действия и сопутствующих ему характеристик (признаков), заложенных в семантике английского глагола.

Для обратного перевода, т. е. для тех, кто переводит с русского языка на английский, можно сделать следующий вывод: прежде, чем перевести любое предложение с русского языка на английский, нужно внимательно приглядеться к группе сказуемого с относящимися к ней дополнительными и обстоятельственными характеристиками, тщательно проверить, с учетом функционально-стилистической направленности текста, нет ли в английском языке глагола, совмещающего в себе те предметно-дополнительные, качественные, адвербиальные и иные характеристики или признаки, которые заложены в исходной описательной конструкции подлинника.

- ¹ Английский глагол соответствует русскому глагольному фразеологическому словосочетанию с внутриобъектными отношениями: «глагол + дополнение (одно или несколько)».
- ² Английский глагол соответствует русскому словосочетанию «глагол + обстоятельство (группа обстоятельственных слов или конструкций, включая причастие)».

III

ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

В. ШОР

(Ленинград)

О ЗАВОЕВАНИЯХ СОВЕТСКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

(На материале перевода прозы Анатоля Франса)

Владение многообразными языково-речевыми стилями, умение находить корреляты различных стилей художественной литературы в решающей степени определяют собой мастерство переводчика: Достижения советской переводческой школы в этом отношении весьма наглядно можно продемонстрировать на переводе интеллектуалистской, насыщенной культурно-историческим материалом, стилистически полифоничной прозы Анатоля Франса. Перед переводчиком Франса — сложнейшая стилистическая партия. Недавними исследованиями нескольких произведений Франса было показано, насколько широко и мастерски пользуется замечательный французский писатель «чужими» стилями, которые он имитирует либо ради воссоздания культурно-психологической атмосферы минувшей эпохи, либо ради дискредитации реакционных общественно-идеологических явлений¹.

В настоящей статье мы хотим показать, как и насколько успешно передавалось это своеобразие прозы Анатоля Франса в переводах одного из сложнейших в стилистическом отношении произведений писателя — романа «Таис», вышедшего в оригинале в 1890 году и с тех пор многократно переводившегося на русский язык.

Метод перевода, который теперь принято называть реалистическим, предусматривает, в частности, верную передачу и далеких от наших эстетических предпочтений литературных стилей и использование в переводе, при необходимости, таких языковых стилей, которые находятся

уже вне сферы актуального речевого употребления². Роман «Таис» ставит перед переводчиком трудные задачи именно такого рода.

1.

Житийную легенду об александрийской актрисе и куртизанке Таис, обращенной на путь покаяния христианским отшельником Пафнутием, Анатолий Франс развернул во вполне самостоятельное художественное произведение, наполненное богатым философским, психологическим и культурно-историческим содержанием, полемически переосмысляющее свой сюжетный источник. Действие романа «Таис» отнесено к IV веку н. э. Главную тему его составляет конфликт между все более входящей в силу догмой христианской религии и еще устойчивой, но уже клонящейся к упадку античной языческой культурой. Однако эта конкретно-историческая тема приобретает в романе обобщенно-философское звучание.

Разоблачая в образе «святого подвижника» IV века антигуманистическую сущность христианского дуалистического мировоззрения, Франс дискредитировал важнейшие религиозные «ценности», бережно охранявшиеся церковью во все века ее существования. Удар, наносимый Франсом идеологии фиваидского отшельника Пафнутия, непосредственно поражал современную писателю католическую церковь. Роман о поздней античности оказывался остро актуальным.

Прибегая к своему излюбленному приему стилизации, Франс использует в романе форму жития святого и взрывает ее изнутри. Он сохраняет традиционную структуру жития, но, в отличие от канонизированных церковью легенд, каждым эпизодом своего романа развенчивает «святого» отшельника. С помощью тонкой иронии Франс выявляет несостоятельность идеологии христианского аскетизма и в конечном итоге приводит своего героя к полному нравственному краху.

Идейно-психологический облик христианского фанатика Пафнутия находит себе яркое выражение в его речевой характеристике. В романе «Таис» сосуществуют, образуя сложное единство, несколько различных речевых стилей. Стиль речей Пафнутия более резко отделен от остальных. Он представляет собой сплав возвышенного аллегорического языка христианских «священных» книг и близкого к

нему пышно-риторического, витиеватого «азиатского» слога, который развился в литературе ранней эллинистической эпохи на почве Малой Азии, впоследствии был вытеснен строгим «аттическим» слогом, но в поздне-античное время возродился снова³.

Присущий писаниям так называемых «отцов церкви» (IV—V века н. э.) этот слог затем был усвоен христианской гомилетикой (проповедническое искусство) в некоторых ее разновидностях. По классификации, разработанной теоретиками гомилетического витийства, речи Пафнутия можно отнести к типу «профитии» (пророческой речи), занимающей промежуточное положение между «глоссолалией» (вдохновенным бормотанием) и «дидаскалией» (наставительным рассуждением). Повышенная эмоциональность, доходящая до экзатичности, насыщенность тропами, цель которых — воздействие на чувства слушателей, символично-аллегорическое истолкование явлений действительности, фетишистское отношение к «священному» слову, как к носителю некоей религиозно-магической силы, — таковы важнейшие признаки «профитии», блестяще имитируемой Франсом в речах Пафнутия.

Пафнутию противопоставлены все другие образы и стили романа. Философию Пафнутия отрицает, даже не замечая ее, Александрия, великий город эллинистического мира, средоточие развитой языческой культуры. Она враждебна Пафнутию всем своим обликом, всем содержанием, богатством, многочисленным и деятельным населением, веротерпимостью, ученостью и искусством.

Франс и при изображении жизни античной Александрии, ради «вчувствования» в эпоху, прибегает к жанровой и языковой стилизации. Для этой цели, в частности, он воскрешает в своем романе античный жанр философского собеседования.

Та глава романа, в которой протекает высокоинтеллектуальная беседа сторонников разных философских и религиозных учений носит название «Пир». Оно сразу вызывает в памяти одноименный трактат Платона, также построенный в виде собеседования нескольких лиц, которые излагают друг другу свои воззрения и спорят в поисках истины.

Франс противопоставляет христианству Пафнутия не ту или иную из религиозно-философских доктрин, которые развивают участники беседы. Для идейно-художественного замысла романа излагаемые в нем многообразные учения важны лишь в их совокупности: идейная разногласи-

ца в сцене «Пира» призвана выражать излюбленную мысль Франса, усвоенную им от проповедника философского скептицизма Ренана, — об относительности всех и всяких доктрин и систем прошлого.

Еще важнее для Франса здесь — продемонстрировать несовместимость фанатической нетерпимости христианства с самим принципом философской дискуссии, свободного обмена мнений, который выдвигается в романе как один из важнейших признаков духа античной культуры. Не случайно Пафнутий сохраняет во время пира презрительное молчание, а затем проклинает участников беседы как богохульников и еретиков. В отличие от него, все собеседники на пиру выказывают взаимную терпимость и уважение. Их речи рассудительны, они не отказываются от апелляции к разуму и логических доказательств.

В сцене философской дискуссии Франс имитирует «аттический» слог древних писателей. Стилизация здесь не так бросается в глаза, как в речах Пафнутия, ибо «аттицизм» древних близок по своим принципам к языково-стилистическим установкам самого Франса, но тем не менее она достаточно отчетлива.

«Аттицизм» древних для Франса, как и высоко ценимая им стилистическая система французского классицизма, — это речевое выражение разума, чувства меры, уравновешенности. Комплекс этот воплощает в его представлении самый «дух античности», несовместимый с фанатическим неистовством, с экзатичностью, подавляющей разум, с крайностями чувств, устремляющихся к двум полюсам — восторгу и ненависти, то есть со всем тем, что составляет сущность пафнутиевского христианства и выражается в охарактеризованном выше стиле его речей.

В речах участников дискуссии Франс искусно воспроизводит такие признаки «аттицизма», как литературная отточенность слога, гармоническая округленность фраз, безэмоциональный интеллектуализм. Воинствующему догматику Пафнутию Франс противопоставляет в романе также представителей раннего, «кроткого» христианства, придавая их прямой речи черты простоты и наивности крестьянско-бытового или сказочно-фольклорного речевого склада.

Но главным антагонистом Пафнутия в романе является сама Таис. Она — воплощение земной прелести и красоты, против которых безуспешно борется Пафнутий, сам неспособный устоять перед их «колдовским» очарованием.

Удивительной естественностью дышит речь Таис. Изыс-

канный «аттический» слог прост и строг по сравнению с «азианизмом» Пафнутия, но его простота нарочита, отшлифована и организована. Речь Таис — непосредственное выражение живых человеческих эмоций и переживаний. Короткие, незамысловатые фразы, наивные вопросы, искренние, от души идущие восклицания, простодушно-хвастливые, кокетливые и жалобные интонации — из таких компонентов складывается речевая характеристика Таис, способствующая отчетливой обрисовке этого неотразимо обаятельного образа — воплощения женственности⁴ и человеческой духовной красоты, состоящей, по Франсу, прежде всего, в естественности всех побуждений и реакций.

С 1891 по 1958 год на русском языке появилось восемь переводов «Таис»⁴.

Всем дореволюционным переводам свойственна стилистическая безликость. Различные стилевые грани текста передаются ими одинаково вяло и смазанно. Забота у всех переводчиков одна: передать основные лексические значения слов, образующих связный текст. Семантические и стилистические оттенки слов беспокоят их мало. В результате текст, как правило, огрубляется и банализируется⁵.

Переводы 20-х годов представляют собой заметный шаг вперед в отношении точности передачи смыслового наполнения французского текста. Однако качество их страдает от тенденции переводчиков к педантическому буквализму, который в то время был закономерной и в известном смысле даже благотворной реакцией на небрежность переводчиков дореволюционных, но сам по себе также не мог обеспечить подлинно художественное воссоздание иноязычного произведения на русском языке. В данном случае он оказался препятствием для выявления стилистических доминант различных частей повествования. Сказанное в особенности относится к переводу И. Б. Мандельштама. У А. Дейча и М. Смелянова, идущих в основном по тому же пути, наблюдается стремление избегать порождаемых буквализмом неестественных фраз и непредставимых образов, но зато они нередко допускают банализацию или неуместную модернизацию текста.

Решительный качественный скачок представляет собой последний по времени перевод «Таис», принадлежащий перу Е. А. Гунста. Появившийся в 1958 году, этот перевод стоит на высоте лучших достижений современной советской переводческой школы и сам является их воплощением.

Конкретное сопоставление разных переводов одних и тех же мест романа, представляющих различные его стилевые аспекты, с убедительностью свидетельствует о решительном превосходстве последнего по времени перевода «Таис» над всеми ему предшествующими.

Обратимся, прежде всего, к сложной стилистике речей Пафнутия.

Пафнутий, отправившийся из Фиваидской пустыни в Александрию для спасения души Таис, достигает цели своего странствия. С вершины холма ему открывается великий город, воплощающий в себе все то, что он отверг, удалясь в пустыню. Отшельником овладевает приступ гнева, изливающегося в громогласной, яростной инвективе.

Выпишем из оригинала и из перевода Е. А. Гунста эту речь, выделяя курсивом и помечая надстрочными номерами словосочетания и фразы, которые ниже подвергнем анализу.

— Voilà donc, se dit-il, *le séjour délicieux*¹ où je suis né dans le péché, *l'air brillant où*² j'ai respiré des parfums empoisonnés, la mer voluptueuse où j'écoutais chanter les Sirènes ! Voilà mon berceau selon la chair, voilà ma patrie selon le siècle ! Berceau fleuri, patrie illustre, au jugement des hommes ! *Il est naturel*³ à tes enfants, Alexandrie, de te chérir comme une mère, et je fus engendré dans ton sein magnifiquement paré. Mais l'ascète méprise la nature, le mystique dédaigne les apparences, le chrétien *regarde*⁴ sa patrie humaine comme un lieu d'exil, le moine *échappe à la terre*⁵. J'ai détourné mon cœur de ton amour, Alexandrie ! Je te hais ! Je te hais pour ta richesse, pour ta science, pour ta douceur, pour ta beauté ! Sois maudit, temple des démons ! *Couche impudique*⁶ des gentils, *chaire empestée des ariens*⁶, sois maudite ! Et toi, fils ailé du Ciel qui conduisit le saint ermite Antoine, notre père, quand, venu du fond du désert, il pénétra dans cette citadelle de l'idolâtrie pour affermir la foi des confesseurs et la constance des martyrs, bel ange du Seigneur, invisible enfant, premier souffle de Dieu, vole devant moi et parfume du battement de tes ailes⁷ l'air corrompu que je vais respirer parmi les princes ténébreux du siècle !⁸

«Так вот, оно, сладостное место¹, где я был рожден во грехе, вот золотистый воздух, вместе с которым² я вдыхал пагубные² благоухания, вот сладострастное море, возле которого я внимал пению сирен. Вот колыбель моя по плоти, вот мирская моя отчизна! Цветущая колыбель, прославленная отчизна — как судят о ней люди. Чадам твоим, Александрия, положено³ любить тебя, как мать, а я ведь тоже был зачат в твоём великолепно украшенном лоне. Но аскет презирает природу, мистик пренебрегает видимостью, христианин почитает⁴ свою земную родину местом изгнания, монах вырывается из окон суеты⁵. Я отвратил от тебя свое сердце, Александрия. Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя за твоё богатство, за твою просвещённость, за твою изнеженность, за твою красоту. Будь проклят, храм адских сил! Мерзкое ложе⁶ язычников, зачумленный престол ариан — будь проклят! А ты, крылатый сын неба, указавший путь святому отшельнику, отцу нашему Антонию, когда он, идя из недр пустыни, проник в эту твердыню язычества, дабы укрепить веру исповедников христианства и непреклонность мучеников, — дивный ангел господень, незримое дитя, дуновение божье, лети предо мною и взмахами крыл⁷ разлей благоухание⁷ в смердящем воздухе, которым мне предстоит дышать среди мирских князей тьмы!» (Г., 155).

Рассмотрим выделенные места перевода, сопоставляя с решением Е. А. Гунста варианты, предложенные его предшественниками.

1. *Место* фигурирует у большинства переводчиков, включая и Е. А. Гунста. Вероятно, так и должно быть, хотя французское «séjour» скорее значит ‘местопребывание’, а в данном контексте — ‘то место, где живут’, ‘местожительство’, ‘поселение’. Очевидно, поэтому О. Химона переводит это слово как *приют*, а И. Б. Мандельштам — как *град*. Но едва ли верно вложить сентиментальное слово *приют* в уста Пафнутия. *Град* особых возражений не вызывает, но в переводе И. Б. Мандельштама *град* сочетается с прилагательным из карамзинского лексикона *пленительный*, что образует явную разностильность. У других переводчиков находим здесь: *восхитительное* (А), *очаровательное* (Р), *привлекательнейшее* (Д) — эпитеты, заимствованные из литературы первой половины XIX века и превратившие-

ся к XX веку в расходные штампы интеллигентской разговорной речи. *Сладостный* — слово высокое, книжное, уместное для торжественного или патетического тона речи, что ярко иллюстрируется пушкинским стихом: «Издревле сладостный союз поэтов меж собой связует». (*Прельщение*, как у Е. Ф. Корша, тоже высокое слово, славянизм, но *место прельщения* — сочетание искусственное, да и в слове *délicieux* такой оттенок не содержится).

2. Из всех переводчиков только Е. А. Гунст избежал чужезычного, неестественного для русского языка оборота *воздух, где...* Он первым также отказался от синонимической пары *ядовитые* — *отравленные* ради высокого слова *пагубные*, близкого по смыслу к слову оригинала, и что самое существенное, стилистически соответствующего тональности речи Пафнутия.

3. Безупречно точным по смыслу переводом оборота «il est naturel» является наречие *естественно*. Четыре из семи предшественников Е. А. Гунста, не мудрствуя лукаво, вставили это слово в перевод. Но они не учли его стилистическую нейтральность и значительно более позднее его происхождение в русском языке, нежели подавляющее большинство высоких слов, из которых складывается речь Пафнутия. Слово *понятно*, использованное тремя другими переводчиками, — в этом отношении не лучше. *Положено* — слово старинное, высокое, сурово дидактическое, оно не выпадает из стиля патетической речи христианского фанатика. Возвышает речь также и использованный Е. А. Гунстом славянизм *чада*, тогда как его предшественники, все как один, прибегли здесь к слову *дети*.

4. Все переводчики, кроме Е. А. Гунста, передали французское «regarde» точными, смысловыми соответствиями: *относится к ...* (А.) или *смотрит на ...* (Б., Р., М., Д.). Обороты эти, однако, сильно отзываются канцелярски-деловым стилем и противоречат архаической патетике речи Пафнутия. *Почитает* — слово старинное, «благоепное», одно из тех слов, которые налагают на язык Пафнутия необходимую «патину».

5. Трудное место для перевода из-за отсутствия полного русского соответствия глаголу «écharper», смысл которого описательно можно передать, примерно, так: 'избежать чего-либо', 'убежать, вырвавшись', 'ускользнуть от чего-либо'. Все предложенные до последнего перевода варианты (А.: ... *инок отрешается от земли*; Б.: ... *монах не принадлежит земле*; Р.: ... *монах отвергает землю*; Д.: ... *монах*

бежит от земли), верно выражают сформулированный Пафнутием тезис христианского вероучения. Каждый из глаголов, избранных переводчиками, в этом смысле верен. И все же значение глагола «*échapper*» не передается этими глаголами. Е. А. Гунст, выбрав глагол *вырываться*, сделал упор на самом важном для данного контекста оттенка глагола «*échapper*». *Вырываться* значит 'освободиться с трудом, с усилием'. Этим подчеркивается, что соблазны земного мира не так-то легко преодолеть монаху, Пафнутию же в особенности. Ведь в том и состоит идея, вложенная Франсом в образ Пафнутия, что христианское изуверство отшельника является извращенной формой проявления его земных вожделений. Чем неотвязнее преследуют Пафнутия чувственные соблазны, тем больше проклинает он их, как «дьявольское наваждение». Он хорошо знает, как сильна над ним власть «греховного» земного начала, и поэтому, считая, что все-таки освободился от нее, преисполняется особенной гордостью. «*La terre*» — *земля*, но глагол *вырываться* с *землей* не связать. Переводчик принимает смелое решение, заменяя *землю* (фигурирующую во всех предшествующих переводах) *оковами суеты*. То это или нет? Несомненно, то. В слове *земля* вообще заключен сложный семантический комплекс. Здесь это слово обозначает земную жизнь с ее страстями и заботами; в подразумеваемом противопоставлении жизни вечной, загробной, к которой еще в этом мире готовит себя отшельник, оно приобретает отрицательно оценочный характер. Поэтому словосочетание *оковы суеты* точно выражает смысловую грань, которой поворачивается здесь к читателю слово «*la terre*». Принадлежность словосочетания к высокому церковно-проповедническому стилю делает его в контексте речи Пафнутия в высшей степени уместным.

Мерзкое ложе — наиболее энергичное и весьма уместное словосочетание в поношении, напоминающем гневные речи библейских пророков. Последние, как известно, не скупились на бранные эпитеты, и слова типа *мерзкий*, *гнусный* и т. п., именно потому, что они включались в громовые неистовые проклятия пророков, стали восприниматься как торжественные и высокие. По сравнению с этим вариантом бледными выглядят все эпитеты, находимые здесь в других переводах (А.: *постыдное*, Б.: *загрязненное язычниками*, Х.: *нечестивое*, Р.: *нечистое*, М.: *бесстыдное*, Д.: *распутное*).

6. Первые два переводчика спутали «*chaîre*» с «*chair*»,

и *кафедра* превратилась у них в *плоть*. *Ариане*, то есть последователи учения христианского богослова Ария, распространённого в эту эпоху в Александрии, превратились в переводе А. в *арийцев*. Ляпусы эти весьма показательны для уровня культуры перевода на рубеже XIX и XX веков. Для перевода слова «*chaige*» *амвон* (М.) лучше, чем *кафедра* (Х., Р.) хотя бы потому, что *кафедра* требует дальше *будь проклята* — в женском роде, что нежелательно, так как раньше было *будь проклят*, а в интересах риторической выразительности проклятия лучше сохранить единообразие повтора. *Престол* — самое высокое слово из всех возможных здесь синонимов.

7. Пышно-риторическое речевое одеяние, в которое облачается миссионерский пыл Пафнутия, призвано в романе обнаруживать ненатуральность, искусственную взвинченность владеющих им чувств. Пафнутий дискредитируется уже самой манерой своей речи. В пору расцвета европейского романтизма, она, возможно, отвечала бы эстетическим вкусам читателей, но в конце XIX и в XX веке уже не могла восприниматься иначе, как выпрениная и ходульная.

Сравнение вариантов перевода заключительной фразы снова говорит в пользу последнего. *Крыла* вместо *крыльев*, *смердящий воздух* вместо *испорченного* (А.), *отравленного* (Д.), *зараженного* (Б., Р.) (*тлетворный*, как у М., лучше, но опять же не в стиле); *мирские князья тьмы* вместо *темных властелинов мира* (А.), *мрачных князей мира* (Б.), *великих мира сего* (М.), *сыновей мрака* (Д.) — эти лексические варианты принципиально отличают перевод Е. А. Гунста от других переводов. Они сообщают ему совсем другое качество, обеспечивают необходимую стилизацию. Избежав лишних слов и неловкостей (вроде *сделай благоуханным* (М.) или *при помощи взмахов твоих крыльев* (Д.)) благодаря удачно найденному *разлей благоухание*, переводчик построил фразу как стремительный речевой поток, придал ей эмоциональную динамичность.

Чтобы воспроизвести на русском языке речи Пафнутия в столь органически им соответствующем стилевом выражении, переводчик должен был основательно изучить русские образцы этого стиля. В памятниках древнерусской церковно-проповеднической литературы он мог найти продолжение традиций византийского «витийства», которое, в свою очередь, опиралось на труды тех ранне-христианских богословов, чей стиль своеобразно отразился в сочи-

ненных Франсом на французском языке речах Пафнутия. По этим памятникам переводчик «Таис» мог учиться мастерству «извития словес», которое было уместно использовать при передаче на русском языке речей Пафнутия.

Переводчику необходимо было обратить внимание и на то чрезвычайно важное обстоятельство, что в России издавна религиозно-церковные темы могли трактоваться только церковно-славянским языком. Только на этом языке культивировались высокие риторические стили⁷. И в дальнейшем, со становлением русского литературного языка церковно-славянский язык остается главным источником лексики «высокого слога».

Несомненно, что осуществить столь искусно, как это сделал Е. А. Гунст, реконструкцию особого, уже ушедшего в прошлое стиля русского языка, можно было, только проведя серьезную научно-филологическую работу.

Стилизация под античный жанр философской дискуссии требует от переводчика воспроизведения особенностей «аттического» стиля: полноты и законченности фраз, гармонического их построения из приблизительно равновеликих отрезков, ясности и точности словоупотребления. Все это вполне осуществимо средствами русского языка, но лишь при мастерском владении ими.

Воспроизведению «аттического» слога в переводе равно препятствуют отсебятина и буквализм. Дореволюционные переводчики «Таис», скользя по поверхности текста философской дискуссии, передавали его неточно, огрубленно, а порой и вовсе искажали его смысл. Как это обычно бывает, искажения смысла и стиля оказывались взаимосвязанными. Но найти подлинный русский стилистический аналог «аттицизма» не сумел и ближайший предшественник Е. А. Гунста — И. Б. Мандельштам. Придерживаясь принципа буквальной точности, он, в отличие от дореволюционных переводчиков, не исказил понятийного содержания французского текста, но, оставив без внимания его стилистическое существо, непомерно его утяжелил и сделал в конечном итоге неудобопонятным. Тем самым он фактически лишил весь эпизод философского «пира» его идейного смысла. Ведь в оригинале романа именно (и только) через противопоставление двух стилей — запутанного, иррационального «азианского» и ясного, рассудительного «аттического» — выявляется важнейшая философская идея Франса — о принципиальной противоположности христианского фанатизма, ожесточенного врага разума, и *всех* других

учений древности, рассматриваемых автором как различные проявления пытливой человеческой мысли — пусть даже и заблуждающейся.

Сопоставим, как реализуются переводческие системы И. Б. Мандельштама и Е. А. Гунста на материале франсовской стилизации под «аттицизм». Мы нарочно берем отрывок, содержащий изложение фантастических неоплатонистских представлений о человеке в системе мироздания.

Z é n o t h é m i s : Faut-il donc te répéter, Dorian, que la science et la méditation ne sont que les premiers degrés de la connaissance et que l'extase seule conduit aux vérités éternelles ?

H e r m o d o r e : Il est vrai, Zénothémis, l'âme se nourrit d'extase comme la cigale de rosée. Mais disons mieux encore : l'esprit seul est capable d'un entier ravissement. Car l'homme est triple, composé d'un corps matériel, d'une âme plus subtile mais également matérielle, et d'un esprit incorruptible. Quand, sortant de son corps comme d'un palais rendu subitement au silence et à la solitude, puis traversant au vol le jardin de son âme, l'esprit se répand en Dieu, il goûte les délices d'une mort anticipée ou plutôt de la vie future, car mourir, c'est vivre, et dans cet état, qui participe de la pureté divine, il possède à la fois la joie infinie et la science absolue. Il entre dans l'unité qui est tout. Il est parfait⁸.

И. З е н о т е м и с : Должен ли я говорить тебе, Дорион, что наука и размышления суть лишь первые ступени познания, и что только экстаз открывает путь к вечным истинам?

Г е р м о д о р : Это верно, Зенотемис: душа питается экстазом¹, как стрекоза росой. Но скажем еще точнее: один лишь дух способен на полное восхищение². Ибо человек тройственен: он состоит из материального тела, более тонкой, но также материальной души и нетленного духа. Когда, изойдя из³ тела своего, как из дворца, погрузившегося вдруг в одиночество и безмолвие, а затем, пролетев через сады своей души, дух растворяется в божестве, он вкушает улады⁴ предвосхищенной⁵ смерти, или, вернее, будущей жизни, ибо быть мертвым значит жить, и в этом состоянии, сопричастном⁶ божественной чистоте, он полон одновременно бесконечной радости и абсо-

лютного знания. Он входит в единство, объемлющее все. Он совершенен. (М., стр. 80).

Экстаз (1) по смыслу верное слово, но оно выпадает из стиля, противоречит стилизации речи под старину. Когда предметом изображения является античная жизнь, всякое не окончательно обрусевшее иностранное слово воспринимается как анахронизм. Естественно, что правило это распространяется, в основном, на заимствования из новых языков и в гораздо меньшей степени на слова греческого и латинского происхождения. *Восхищение* (2) буквально калькирует оригинал, но оказывается просто непонятным. Возможно, переводчик рассчитывал на оживление в этом контексте внутренней формы этого слова и его семантической связи со старинным значением глагола *восхищать* (похищать душу человека на небеса). Но и в этом смысле *восхищение* не может быть с п о с о б н о с т ь ю духа, а лишь действием, которое производится над ним. Честный перевод слова «*gravisement*» его основным русским семантическим соответствием оказывается неверным!

Предвосхищенная (5) — опять-таки непонятно, да еще и плохо по-русски. К тому же применение этого причастия окончательно затемняет семантику слова *восхищение*, которая уже и раньше была размыта двусмысленным его употреблением. Славянизмы *изойдя* (3), *вкушает улады* (4) *сопричастное* (6) были бы уместны в речи Пафнутия, но речи философа Гермодора они явно противопоказаны. Они лишают ее простоты и тем разрушают ее «аттический» стиль.

II. З е н о ф е м и д: Но ведь я уже сказал, Дорион, что наука и размышления — всего лишь первые ступени познания и что только вдохновение ведет к вечным истинам.

Г е р м о д о р: Правда, Зенофемид, душа питается вдохновением¹, как цикада² — росой. Но правильнее сказать: только духу доступно высшее вдохновение¹. Ведь человек состоит из трех субстанций³: из плотского тела, из души, более утонченной, но тоже плотской⁴, наконец, из нетленного духа. Тело, покинутое духом, уподобляется дворцу, вдруг⁵ обезлюдевшему и погруженному в безмолвие. А дух летит по садам твоей души и сливается с божеством; он вкушает сладость грядущей⁶ смерти, или вернее, будущей жизни, ибо умереть — значит жить, и в этом состоя-

нии дух, приобщаясь к божественной чистоте, сразу обретает и бесконечную радость и всеобъемлющее⁷ знание. Он растворяется в единстве, представляющем собою все. Он достигает совершенства⁸. (Г., 212).

Е. А. Гунст избежал в своем переводе, казалось бы, напрашивающегося здесь стилистического «завышения», отверг иностранные заимствования. Верно оценив, что слова «extase» и «gravissement» во французском тексте синонимичны, он смело решил перевести их одним словом *вдохновение* (1): в этом слове подразумевается «взлет души» и потому оно здесь вполне на месте.

Превосходная находка *состоит из трех субстанций* (2) для передачи французского «triple» — вместо буквально точного, но по-русски малоупотребительного и бледного *тройственный*. *Субстанция* — сугубо ученое слово философского лексикона, само — античного происхождения и фигурирует в русских переводах античных философов; оно, точно выражая мысль Гермодора, вместе с тем «работает» на стилизацию. Той же цели служит *цикада* (2), заменившая собой стилистически нейтральную *стрекозу*. Примечательно, что *субстанция* — единственное ученое слово в этом тексте. Ему здесь место именно потому, что оно весьма характерно для античных философских систем. Другие специальные философские термины латинского происхождения, вызывающие в большей степени современные ассоциации — *материальный*, *абсолютный* — заменяются русскими словами *плотский* (4), *всеобъемлющий* (7).

Художественность картины сохранена благодаря наречию *вдруг* (5), эпитету *грядущая* (6), который с максимальным приближением передает смысл причастия «anticipée», и построению *он достигает совершенства* (8) вместо нединамичного, калькированного с оригинала *он совершенен*.

Ради художественности переводчик облегчает синтаксис, разбивая фразу на три предложения. В результате речь становится естественной, живой, гармоничной; нагляднее картина, создаваемая сравнением. Произведенная Е. А. Гунстом синтаксическая операция — один из примеров того, что в переводе не может быть принято жесткое априорное правило передачи фразовых комплексов в соотношении 1 : 1. Все зависит от конкретных условий контекста.

Сравнительное изучение переводов позволяет явственно продемонстрировать, что в языковой ткани произведения

реализируется нерасторжимое единство его идейного содержания и художественной формы. В переводах романа «Таис» убедительным примером тому может служить передача речевой характеристики героини.

Как уже отмечалось выше, прекрасная естественность всех жизненных реакций, всего облика Таис представляет собой главное философское опровержение угрюмого фанатизма Пафнутия.

В речевой партии Таис необходимо передать ее подкупающую непосредственность, нужно обязательно найти искренние, трогательные интонации. Не выполнить этого значит существенно повредить всей идейно-художественной структуре романа.

Таис — дитя своего времени. Она исполнена суеверий и страха перед неведомыми, потусторонними силами. В первой беседе с Пафнутием внезапный наивный испуг Таис, убоявшейся «колдовских чар», вносит в ее речь ноты, которые уподобляют прославленную актрису и куртизанку простой необразованной женщине из народа. Простодушие Таис делает ее облик особенно трогательным и обаятельным. Земная прелесть и красота вовсе не связаны с изощренной интеллектуальностью, их покоряющая сила — в них самих, в их живой естественности — такова одна из самых заветных мыслей Франса.

Приведем один монолог Таис в двух только переводах — И. Б. Мандельштама и Е. А. Гунста.

И. Б. Мандельштам достиг предельного приближения к семантике слов, составляющих речь Таис, и с безупречным педантизмом воспроизвел ее синтаксис. Нет надобности приводить оригинал — перевод И. Б. Мандельштама калькирует его:

«— Не делай мне зла! Зачем ты пришел? Чего ты хочешь от меня? Я знаю, что святые пустыnnики презирают женщин, созданных, подобно мне, для утешения людей. Я боюсь, что ты ненавидишь меня и желаешь мне повредить. Что ж, я не сомневаюсь в твоей власти. Но знай, Пафнутий, что я недостойна ни ненависти, ни презрения. Я никогда не глумилась над твоей добровольною нищетой, как над нею глумятся столь многие из тех, у кого я бываю. Не упрекай же и ты меня в моем богатстве. Я красива и способна к игре на сцене. Я не выбирала ни ремесла своего, ни наружности. Я создана для того, чем зани-

маюсь. Я рождена чаровать людей. И ты сам только что говорил мне, что любишь меня. Не пользуйся против меня своею наукой. Не произноси магических слов, которые уничтожают мою красоту или превратят меня в соляной столб! Я и то уж напугана. Не навлекай на меня смерти! Я так ее боюсь!» (М., 66).

Слова перевода передают все, сказанное в подлиннике. Стилистических ошибок нет. Придаться в переводе не к чему и счесть неудачным его нельзя. Но лучшее — враг хорошего. В сопоставлении с переводом Е. А. Гунста является несовершенство перевода И. Б. Мандельштама.

«— Не причиняй мне зла! Зачем ты пришел? Что тебе от меня надо? Не причиняй мне зла. Я знаю, что святые пустыnnики ненавидят женщин, которые, как я, созданы, чтобы обольщать. Я боюсь, что ты ненавидишь меня и хочешь причинить мне вред. Полно! Я и так верю, что ты всемогущ... Но знай, Пафнутий, не следует ни презирать, ни проклинать меня. Я никогда не смеялась над обетом бедности, который ты дал, как смеются многие из окружающих меня. Поэтому и ты не считай преступлением мое богатство. Я красива и искусна в играх. Я не сама выбирала свое ремесло и свою красоту. Я была создана для того, чем я занимаюсь. Я рождена пленять мужчин. Ты сам только что говорил, что любишь меня. Не пользуйся же своей ученостью мне во вред. Не произноси заклинаний, которые уничтожат мою красоту или обратят меня в соляной столб. Не пугай меня! Я и без того уже трепещу! Не лишай меня жизни! Я так боюсь смерти!» (Г., 198).

Казалось бы, незначительные штрихи отличают перевод Е. А. Гунста от перевода И. Б. Мандельштама. Но они создают именно тот простодушно-разговорный стиль, ту взволнованную интонацию, которые здесь так важны.

Каждое слово, каждая фраза у Е. А. Гунста проще, конкретнее, живее. Достаточно сопоставить:

Чего ты хочешь от меня?
... созданных, подобно мне,
для услаждения людей.
... я не сомневаюсь...
... я недостойна (?) ни нена-
висти, ни презрения.

Что тебе от меня надо?
... которые, как я, созданы,
чтобы обольщать.
Я и так верю...
... не следует ни презирать,
ни проклинать меня.

... я никогда не глумилась...
Я не выбирала ни ремесла
своего, ни наружности.
Я рождена чаровать людей.
Не пользуйся против меня
своей наукой!
Не произноси магических
слов...
Не навлекай на меня смерти!
Я так боюсь ее!

Я никогда не смеялась...
Я не сама выбирала свое ре-
месло и свою красоту.
Я рождена пленять мужчин.
Не пользуйся же своей уче-
ностью мне во вред.
Не произноси заклинаний...
Не лишай меня жизни! Я так
боюсь смерти!

Замечательно, что буквализм И. Б. Мандельштама привел его к отклонению от оригинала в последних фразах. «*Ne me fais pas mourir! Je crains tant la mort!*» — сказано во французском тексте, то есть, переводя еще буквально, чем у Мандельштама: «Не заставляй меня умереть! Я так боюсь смерти!», передав первую фразу очень близко к подлиннику, но с использованием слова *смерть*, переводчик не смог уже воспользоваться им в последней фразе. Между тем, оно является эмоциональной кульминацией речи Таис и обязательно должно быть на самом ударном месте, то есть быть последним. Е. А. Гунст вышел из положения остроумным и простым способом, найдя куда более удачный вариант — «Не лишай меня жизни!» и тем самым сохранив слово *смерть* для заключительной фразы.

Но это лишь одна из частных. Все компоненты перевода Е. А. Гунста говорят за него. Образ Таис засверкал в нем всеми красками подлинника.

Таков итог многолетнего опыта перевода на русский язык одного из наиболее сложных в стилистическом отношении произведений французской художественной прозы. Вершина безусловно достигнута в наше время.

¹ См. К. А. Долинин. Принципы стилизации в творчестве Анатоля Франса («Певец из Кимей»). «Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 127 — Вопросы лексики и стилистики французского языка, Л., 1958, стр. 48—62; К. А. Долинин. О стиле романа А. Франса («Остров пингвинов»). «Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 212 — Вопросы грамматики и лексики французского языка. Л., 1959.

² Об этом же, несколько иначе, — в ст. И. Кашкин. В борьбе за реалистический перевод. В его кн. «Для читателя-современника». М., 1968, стр. 478.

³ См. С. Меликова-Толстая. Античные теории художественной речи. В кн. «Античные теории языка и стиля». Под общей ред. О. М. Фрейденберг. М.—Л., 1936, стр. 162—165.

- ⁴ «Александрийская куртизанка (Thaïs)». Роман Анатоля Франса из первых веков христианства. Пер. с франц. Спб., тип. А. С. Суворина, 1891, (Далее в тексте условное обозначение перевода — А.) «Таис». Пер. с франц. Е. и Ю. Бромлей, М., тип. И. Н. Холчев и К°, 1906. (Усл. обозн. — Б.) «Таис». Пер. О. Химона. В кн. А. Франс. Собрание сочинений. Т. 2, М., изд. В. М. Саблина, 1909. (Усл. обозн. — Х.) «Таис». Пер. с франц. Е. Ратьковой. М., «Польза», б/г. (Усл. обозн. — Р.) «Таис». Пер. с франц. И. Б. Мандельштама. Л., «Сеятель», б/г. «Таис». Пер. с франц. под ред. Е. Ф. Корша. В кн. А. Франс. Собрание сочинений. Т. 1. М., — Л., ЗИФ, 1928. (Перевод представляет собой слегка отредактированный вариант перевода О. Химона.) (Усл. обозн. — К.) А. Франс. Таис. Пер. с франц. Ал. Дейча и М. Смелянова. М., «Безбожник», 1929. (Усл. обозн. — Д.) «Таис». Пер. с франц. Е. А. Гунста. В кн. А. Франс. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2, М., Гослитиздат, 1958. (Усл. обозн. — Г.)
- ⁵ В этих переводах немало и смысловых ошибок; имеются также вымарки, вызванные требованиями царской цензуры. Рассмотрение этих существенных изъянов в текстах дореволюционных переводов может представить самостоятельный интерес; оно выходит, однако, за рамки данной статьи, посвященной стилистическому аспекту перевода.
- ⁶ А. Франс. Œuvres complètes illustrées. T. V. P., Callmann — Lévy, ed., 1929, pp. 29—30.
- ⁷ См. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 28.
- ⁸ А. Франс. Œuvres compl. T. V, p. 112.

IV

ПРОБЛЕМЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Г. ЧЕРНОВ

(Москва)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ОДНОЙ МОДЕЛИ

Кажется в наше время уже нет больше сомнений в необходимости подвергнуть синхронный перевод (далее: СП) тщательному научному исследованию экспериментальными методами¹.

Любая программа экспериментального исследования синхронного перевода с точки зрения сегодняшнего дня должна основываться на двух основных моментах: во-первых, она должна исходить из четкой гипотетической модели процесса СП, а такая модель в свою очередь должна исходить из определенных теоретических представлений; во-вторых, при ограниченности наших сил, особенно сил лингвистов и психологов, готовых полностью посвятить себя изучению этих сложных процессов, и слабости экспериментальной базы, такая программа должна четко выделить основные и первостепенные направления исследований и порядок их очередности.

1.

Начнем с первого положения. Акт синхронного перевода может рассматриваться, как акт сложной речевой коммуникации, как речевая операция, которая является звеном, вставляемым в разрыв цепи коммуникации от говорящего к слушающему, при условии, что первый и второй владеют разными языками. Эта операция разворачивается постепенно во времени, и при этом в крайне сжатые сроки.

С точки зрения современных данных психолингвистики можно выделить (при этом до предела растянув их в опре-

деленном масштабе времени) следующие этапы речевой операции СП: этап анализа последовательности речевых актов на ИЯ; этап преобразования воспринятого сообщения; и этап реализации акта перевода в виде последовательности речевых актов на ПЯ. Исходя из этого понимания, возможно предложить гипотетическую модель акта СП, базой для которой могут служить основные черты предложенного А. А. Леонтьевым² класса моделей языковой способности, а также выдвинутая И. А. Зимней³ и совместно разрабатываемая нами идея о вероятностном прогнозировании как механизме, лежащем в основе процесса СП.

Некоторыми авторами уже высказывались различные предположения о том промежуточном состоянии, которое проходит мысль, воплощенная в последовательности речевых актов на ИЯ, до ее выражения в последовательности речевых актов на ПЯ. Речь шла об «исчезновении вербальной формы, в которую было облечено высказывание оратора» и о «появлении на его месте 'переводческой мысли'»⁴, о переводе «на некий внутренний язык-посредник»⁵, о «внутренней речи» или о «замещении внутренней речи единой системой неречевых представлений»⁶.

С точки зрения нашей гипотетической модели речь идет о с л о в о м к о д е п р о г р а м м ы высказывания, и следовательно, этап восприятия можно называть этапом перевода сообщения, имеющегося на ИЯ, в к о д п р о г р а м м ы, а этап реализации сообщения на ПЯ этапом р е а л и з а ц и и с м ы с л о в о й п р о г р а м м ы р е ч е в о г о в ы с к а з ы в а н и я.

В отличие от А. А. Леонтьева, который предполагает при СП заданность программы извне⁷, в соответствии с гипотезой о действии в СП механизма вероятностного прогнозирования, программа высказывания возникает в сознании синхронного переводчика в результате восприятия не сплошного отрезка речевого потока на ИЯ, а лишь смысловых опорных точек высказывания, на основе которых, в результате взаимодействия иерархической системы нескольких уровней механизма вероятностного прогнозирования, вырабатывается самостоятельная программа. В этом случае речь, произносимую оратором, можно рассматривать как «побудительный мотив», как «стимул» речевой операции, совершаемой синхронным переводчиком. Далее, этап «выдачи» переводчиком последовательности речевых актов на ПЯ можно рассматривать как реализацию возникающей у переводчика динамической п р о г р а м м ы

речевого высказывания, в ходе которой постоянно происходит сличение полученной речи с речью на ИЯ в некоторых контрольных точках⁸. В отличие от программы речевого высказывания, возникающей в сознании опытного оратора, программа у синхронного переводчика может быть не цельной, а расчлененной, и степень ее дробности будет зависеть от многих обстоятельств, в частности, от количества уровней в иерархии механизма вероятностного прогнозирования, которые в данный момент «включены» у данного синхрониста⁹.

Поскольку речевой поток разворачивается во времени, можно предположить, что ограничение объема оперативной памяти у переводчика не позволяет ему задерживать начало перевода дольше определенного момента, в результате чего перевод начинается часто до момента установления предикации высказывания¹⁰. Происходит процесс предугадывания предикации, успех которого в соответствии с излагаемыми основными чертами модели механизма СП, определяется также количеством более высоких уровней механизма вероятностного прогнозирования, «включенных» у данного переводчика. Предсказуемость того или иного компонента коммуникативной структуры является функцией степени полноты включения в процесс СП всей иерархии уровней механизма вероятностного прогнозирования¹¹. «Включение» каждого высшего уровня повышает надежность механизма вероятностного прогнозирования на низших уровнях.

Таким образом, первое условие успеха экспериментального исследования синхронного перевода заключается, на наш взгляд, в наличии четкой рабочей гипотезы, которую можно было бы подвергнуть проверке с помощью лабораторного эксперимента, специально поставленного с целью получения ответа на четко сформулированный вопрос, что позволило бы подтвердить или отвергнуть выдвигаемую гипотезу.

2.

В любом комплексном изучении СП, как и в любом комплексе, всегда можно выделить его компоненты, и, следовательно, наметить основные пути или направления исследования:

1) Анализ самого процесса, механизма СП, который будет характерен для синхронного перевода в о б щ е,

независимо от конкретной языковой комбинации, как общая закономерность процесса.

2) Исследование содержательной информативной стороны процесса — полноты передачи информации, принципиальных возможностей СП с точки зрения его коммуникативной ценности.

3) Исследование языковых особенностей конкретных комбинаций языков в СП.

4) Определение объективных количественных, в том числе временных, параметров процесса.

5) Изучение самих методов экспериментального исследования синхронного перевода.

Исследования в каждом из этих направлений потребуют разработки своей методики. Например, уже сейчас можно сказать, что, если для первого направления — изучения механизма СП наиболее плодотворным будет путь специально подготовленного лабораторного эксперимента, то для исследования особенностей конкретных языковых комбинаций СП очень важен анализ магнитных записей образцов «живого» СП, осуществляемого на конференциях. Для исследования информативной стороны процесса представляется, например, весьма плодотворной методика, предлагаемая М. Я. Цвиллингом¹². При исследовании параметров (оптимальных и экстремальных) процесса СП большую роль приобретают точные количественные методы, использование различных регистрирующих приборов, и статистическая обработка полученных данных.

При всей самостоятельности вышеуказанных направлений, комплексное исследование СП предполагает их известную взаимообусловленность и даже естественную последовательность. В частности, анализ конкретных языковых комбинаций СП должен основываться на наличии определенной модели механизма СП и быть тесно связан с исследованиями содержательной стороны процесса.

С другой стороны, изучение механизма СП должно опираться, на наш взгляд, на определенные объективные параметры, которые должны послужить инструментом для разработки модели (теории) процесса, поскольку при этом мы будем иметь дело с «черным ящиком», заглянуть в который можно лишь опосредствованно, и о внутренних процессах которого мы можем судить только по данным, имеющимся на «входе» и на «выходе».

Следует отметить еще и то, что хотя для анализа первого направления и безразлична языковая комбинация,

являющаяся основой исследования, сами такие исследования, безусловно, дадут многие факты, необходимые для изучения конкретной языковой комбинации, на базе которой будет изучаться механизм СП.

3.

С учетом вышеизложенных соображений в январе 1970 г. в МГПИИЯ им. М. Тореца группой молодых исследователей: И. И. Гелюхом, С. А. Луканиной, И. М. Семеновой, Е. Н. Сладковской и А. Ю. Шумихиным под руководством Г. В. Чернова и И. А. Зимней и при технической помощи И. В. Кашина, И. И. Матушевича и Н. И. Богомолова был проведен лабораторный эксперимент, основной целью которого была проверка гипотезы о роли механизма вероятностного прогнозирования в процессе СП, но при подготовке его ставились также и цели, указанные в пунктах 2, 3, 4, и 5 (см. выше). Для эксперимента были разработаны три оригинала (по 15—20 мин. звучания каждый, что приближается к принятой в СССР двадцатиминутной норме нахождения переводчика в кабине без смены). После каждого заданного оригинала устраивался перерыв.

Оригиналы были разработаны на основе реальных материалов выступлений ораторов на Генеральной Ассамблее ООН, а также популярных докладов на темы о трудностях перевода и об информативных смысловых аспектах в лингвистических исследованиях. Два текста были на английском языке и предназначались для перевода на русский язык, а один — на русском языке и предназначался для перевода на английский язык. В каждом из этих текстов были заложены контрольные отрезки и отдельные предложения, позволявшие судить о механизме процесса по разработанной методике¹³. В качестве испытуемых были приглашены одиннадцать синхронных переводчиков англо-русской и русско-английской комбинаций, принадлежащих к числу признанных лучших переводчиков-синхронистов английского языка в Советском Союзе и имеющих разнообразный опыт работы. Осуществлялась параллельная двухканальная запись на магнитную ленту оригинала и перевода. В результате эксперимента получено около 11 часов звучания магнитных записей перевода параллельно с записью оригинала.

Часть материала подверглась обработке по нескольким методикам и позволила сделать выводы, подтверждающие

гипотезу о роли вероятностного прогнозирования в процессе СП, и выявить механизм его действия, по крайней мере на трех различных уровнях в иерархии.

* * *

Можно считать доказанной исключительную ценность экспериментального подхода к изучению процесса синхронного перевода. Мы считаем, что сказанное столь эмфатично по поводу модели речевой деятельности А. А. Леонтьевым: «... если модель языка можно в принципе построить почти без опоры на эксперимент, почти чисто дедуктивно, то дедуктивная модель речевой деятельности есть нонсенс»¹⁴ — полностью относится и к модели механизма синхронного перевода.

¹ М. Я. Цвиллинг. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования. «Тетради переводчика», № 3, М., 1966; Б. А. Бенедиктов. Основные вопросы психологии устного перевода. „Fremdsprachen“. Leipzig, 1968, No. 2.

² А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., «Наука», 1969.

³ И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. «Тезисы Всесоюзной конференции по вопросам теории и методики преподавания перевода», 12—14 мая 1970 г., часть I, стр. 111—113.

⁴ D. Seleskovitch. L'interprète dans les conférences internationales. P. Lettres modernes, 1968, p. 160.

⁵ М. Я. Цвиллинг, цит., стр. 93.

⁶ Б. А. Бенедиктов, цит. стр. 101.

⁷ А. А. Леонтьев, цит., стр. 169.

⁸ И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода, сб. «Психолингвистика в СССР». Инф. бюл., О-во психологов СССР, М., 1971 (в печати).

⁹ Более подробно об этом см. И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. Механизм...; заметим, что расчлененная программа имеет место у неопытного оратора (неоконченные предложения,agramматичность и т. п.)

¹⁰ Дж. Миллер. Магическое число семь плюс или минус два. Пер. с англ. «Инженерная психология», М., 1964; Е. Панет (Англия), пер. рукописи магистерской диссертации; Г. В. Чернов. Пути экспериментального исследования синхронного перевода. «Тезисы Всесоюзной конференции по вопросам теории и методики преподавания перевода». 12—14 мая 1970 г., часть II, М., 1970, стр. 132.

¹¹ И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. Вероятностное прогнозирование...; см. также «Материалы Всесоюзной конференции по

теории перевода», см. также статьи Е. Н. Сладковской и А. Ю. Шумихина в данном номере «Тетрадей переводчика».

¹² М. Я. Цвиллинг, цит., стр. 90.

¹³ Более подробно по этому вопросу см. И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. Вероятностное прогнозирование...; а также статьи Е. Н. Сладковской и А. Ю. Шумихина в настоящем номере «Тетрадей переводчика».

¹⁴ А. А. Леонтьев. В коллективной монографии «Теория речевой деятельности», М., «Наука», 1968, стр. 35.

Е. СЛАДКОВСКАЯ

(Москва)

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА УРОВНЕ ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Основываясь на гипотезе И. А. Зимней и Г. В. Чернова, по которой процесс синхронного перевода строится на основе иерархии уровней вероятностного прогнозирования, мы попытались выделить еще один уровень прогноза.

На материалах, полученных в результате эксперимента, проведенного группой Г. В. Чернова¹, был сделан ряд дополнительных исследований, позволивших, по нашему мнению, выделить уровень цели² высказывания в процессе СП. Мы придерживаемся того мнения, что в процессе СП переводчик опирается не только на «разрывную» программу высказывания, поступающую «извне», не только на «изолированные языковые единицы», как говорит А. А. Леонтьев³, но и на свою собственную гипотезу относительно содержания и цели выступления оратора. Можно предположить, что начальные элементы высказывания оратора являются стимулом для построения такого рода гипотезы, которая в процессе перевода подвергается постоянному сопоставлению с оригиналом.

В данном разделе мы рассмотрим несколько случаев, когда переводчики в процессе СП имели разные гипотезы относительно цели высказывания оратора, и в результате работы над одним и тем же оригиналом создали такие переводческие тексты, в которых в ряде случаев появилось расхождение с оригиналом с точки зрения цели сообщения.

Переводчикам, участвовавшим в эксперименте, был предложен текст, начинающийся с поздравления в адрес председателя Ассамблеи по случаю его избрания на этот пост.

Его произносит представитель одной из арабских стран, фигура весьма известная в ООН, фамилия его была несколько изменена, но для переводчика, имеющего опыт работы в Организации Объединенных Наций, не составило бы большого труда узнать оратора «по почерку». Необходимо также упомянуть, что председательствует на Ассамблее представитель страны, находящейся в дружественных отношениях с Израилем.

Нам будут интересны первые одиннадцать предложений этого выступления, которые мы позволим себе привести:

- 1) Permit me, Mr President, to begin my intervention by performing a pleasant duty — that of congratulating you upon your election to this very high post.
- 2) I would fail in my mission as a representative of a people whose destinies we have come here to discuss, had I not done so.
- 3) Your election to this highest office in the international community should be regarded as a recognition by this very same international community of your personal qualities as a diplomat, as a statesman well versed in settling delicate situations.
- 4) Not that I can agree with all the methods of settling delicate situations that you have offered as a representative of your country, but this is another matter.
- 5) You have not come to New York to serve your country, you are now an impartial and objective umpire of our procedures and as such I wish you every success in this new undertaking in your brilliant career.
- 6) I do not have to go into any further detail when offering your excellency our formal congratulations.
- 7) And I hope you will not bear any grudge against the old man.
- 8) We are all getting older, older and wiser men, as my Anglo-Saxon friends love to say.
- 9) It does not mean, of course, that we may equally say that about countries, about every country represented here.
- 10) But I will touch upon that matter later, when I pass to the substantive part of my intervention.
- 11) To dwell on that matter now would be a sign of bad timing, and timing is very important at my age, when one is in a hurry, knowing that there is not so much time left for you.

Если мы попытаемся проанализировать этот текст с точки зрения цели высказывания, то, очевидно, придем к

заклучению, что в своем выступлении оратор не столько хотел поздравить вновь избранного председателя Ассамблеи, сколько стремился выразить свое осуждение той позиции в отношении арабских стран, которую занимает председатель как представитель своей страны. (Предложения 4, 5, 7 и 9.)

Прежде чем приступить к разбору полученных переводческих текстов с интересующей нас точки зрения, нужно оговориться, что из всех переводчиков, участвовавших в эксперименте, только один, не раз принимавший участие в работе Ассамблеи, имел возможность правильно оценить ситуацию, так как сразу «узнал» оратора и, очевидно, смог предположить, как будет построено его выступление.

При рассмотрении переводческих текстов оказалось, что в шести случаях из семи неотраженными или искаженными оказались именно те места, в которых высказывалось отношение оратора к председательствующему и той позиции, которую занимает его делегация. Предложение (4) оказалось полностью опущенным в переводе (причем в четырех случаях из шести отставания переводчиков не наблюдалось); предложение (5) в шести случаях потеряло в переводах ту часть, в которой содержится напоминание оратору о том, что он приехал в Нью-Йорк не для того, чтобы служить интересам своей страны; предложение (7) в шести случаях оказалось почти полностью переосмысленным, о чем будет сказано несколько ниже; предложение (9) в трех случаях осталось в переводах неотраженным, в двух случаях у переводчиков появились смысловые искажения и только в двух случаях мы получили полный перевод этого предложения.

Полученные результаты позволяют предположить, что как самостоятельную единицу прогноза при СП можно выделить прогнозирование на уровне цели высказывания. В самом деле, в том случае, когда цель оратора ясна переводчику или когда он хорошо осведомлен, знает ситуацию и оратора и, следовательно, может предположить, какую цель преследует выступающий в своей речи, он ждет появления в этой речи элементов, указывающих на эту цель и совпадающих с гипотезой переводчика.

Однако и в тех случаях, когда переводчик не обладает достаточно полным знанием ситуации, он, тем не менее, строит собственную гипотезу относительно того, что является целью выступления, которая основывается на знании общей темы, предмета и т. д.

В нашем случае гипотеза одного переводчика совпала с действительностью, и сделанный перевод вполне соответствовал оригиналу с точки зрения цели высказывания; что касается остальных шести переводчиков, то, очевидно, их гипотеза оказалась ошибочной. Очевидно, восприняв вступительные фразы выступления, они подсознательно настроились на поздравления в адрес председателя, а поскольку поздравление обычно не подразумевает оговорки или тем более нападок со стороны поздравляющего, переводчики, не вооруженные знанием позиции оратора и ситуации выступления, просто «не услышали» того, чего не ожидали услышать; и текст, полученный в результате их перевода, имел коммуникативную цель, отличную от цели оригинала.

Особенно интересно отметить те случаи, когда переводчик не воспринимает высказывания оратора, противоречащие его гипотезе, а в тех случаях, когда они все же восприняты, они оказываются переосмысленными переводчиком, который приводит их в соответствии со своей гипотезой. Например, та часть выступления (предложение 7), в которой оратор просит председателя извинить его за то, что он слишком определенно высказал свое отношение к нему, оказывается в ряде случаев переведенной следующим образом: «И я надеюсь, что Вы ни в коей степени не будете относиться к нам с каким-либо предубеждением»; или «Я надеюсь, что Вы не будете вспоминать лихом предыдущего председателя»; или: «Надеюсь, что Вы не выразите того, что на Вашем посту Вам предшествовали люди более старшего возраста» и т. д. В последнем случае предложение имеет и лексико-грамматические искажения.

Следовательно, мы имеем случай, когда переводчик, очевидно, бессознательно вносит поправки в речь оратора, руководствуясь исключительно своей гипотезой.

Из всего сказанного выше можно сделать ряд выводов:

1. В процессе СП у переводчика создается гипотеза о цели выступления оратора.
2. Эта гипотеза носит довольно устойчивый характер.
3. «Питательной средой» для такой гипотезы может служить, прежде всего, знание переводчиком конкретной ситуации и самого оратора или позиции, занимаемой его делегацией.

¹ См. статью Г. В. Чернова, публикуемую в настоящем номере «Тетрадей переводчика».

² Здесь и далее в статье «цель» понимается как внешнее выражение психологического понятия мотивации.

³ А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., «Наука», 1969, стр. 169 и далее.

А. ШУМИХИН

(Москва)

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА УРОВНЕ ПРЕДИКАЦИИ

Мы привыкли всегда находить в речи логическое — устанавливать предикативность высказывания.

Для переводчика-синхрониста презумпция логического хода мысли (и речи) оратора является очень важной. Язык — это явление общественное, и поэтому ему свойственны **стереотипы**, употребляемые всеми его носителями. Вот почему при переводе оказывается возможным действие механизма **вероятностного прогнозирования**, первое экспериментальное исследование механизма которого в синхронном переводе проводилось И. А. Зимней и Г. В. Черновым. Вероятностное прогнозирование обнаруживается на различных уровнях, причем, как кажется, «каждый верхний уровень прогнозирования увеличивает надежность вероятностного прогнозирования на более низком уровне»¹.

Можно также предположить, что вероятностное прогнозирование на более высоком уровне **подчиняет** себе прогнозирование на более низком уровне, что может не только помогать переводчику, но подчас и ввергать его в ошибочное развертывание цепи исходных элементов.

Для проверки этого тезиса был проведен эксперимент с участием выпускников группы синхронного перевода Курсов переводчиков ООН при МГПИИЯ им. М. Тореза. Для эксперимента был составлен текст, приближающийся к обычным высказываниям в общих прениях на Генеральной Ассамблее ООН. Были использованы некоторые предложения и абзацы из подобных высказываний. В ходе эксперимента предполагалось нащупать механизм вероятностного прогнозирования предикативных связей в предложении.

С этой целью в текст были включены слова и словосочетания, допускающие двоякое истолкование. Предполагалось, что в зависимости от того, как будут «услышаны» эти слова или словосочетания, переводчики будут прогнозировать характер предикативных связей.

В заданном для перевода английском тексте было предложение: “Secret’s generally made of the interdependence of these facts”. Небольшая пауза после “made” и невнятное прочтение “Secret’s” сделали свое дело: на основе частотного стереотипа “Secretary General made (a statement)” был дан перевод: «Генеральный Секретарь (+ глагол)».

Поскольку, «по мнению» (на самом деле это процесс подсознательный) переводчика, им была найдена основа предикативной связи, дальнейший перевод шел, исходя из прогноза на связь «глагол — дополнение»:

Генеральный Секретарь отметил взаимозависимость..., или

Генеральный Секретарь говорил о взаимозависимости...

Дальнейшее подтверждение этого тезиса находим при переводе следующего абзаца:

“Our Organisation spoke out firmly in favour of peaceful settlement. Thus in this timely resolution of the security necessary for any nation’s existence do we see the only possible way out of the conflict.”

Предполагалось при переводе проверить изменение переводческого прогноза в зависимости от того, как будут выделяться отдельные элементы исходного текста (ИТ).

При обрыве ИТ на слове “resolution” наиболее вероятным прогнозом был бы стереотип “resolution of the Security Council.” Однако сказав: «так, в этой своевременной резолюции Совета Безопасности...», переводчику необходимо закончить свое предложение, «подстроив» под него остальную часть предложения. Так появляются варианты:

«Так, в этой своевременной резолюции Совета Безопасности...» 1) говорится о необходимости существования народов... 2) говорится о... безопасности, которая необходима для существования народов (этот вариант уже свидетельствует о том, что переводчик ставит под сомнение свой прогноз, переводчик запнулся и попытался перестроить

перевод на основании новой гипотезы «безопасность... для существования».

В одном из вариантов относительно большое отставание перед контрольным предложением позволило переводчику перевести:

«В этой резолюции... о безопасности, в которой нуждаются народы...». (Позже переводчик, однако, признался, что смысл этой его фразы остался ему самому непонятным).

На основании данных эксперимента можно сделать выводы, подкрепляющие тезис о вероятностном прогнозировании «как механизме, который играет одну из ведущих ролей при синхронном переводе»².

«Глубина» подобного прогнозирования зависит как от понимания соотношений элементов ИТ, так и от уровня этих элементов. Решающее значение при прогнозировании имеет также тот объем информации, который был получен переводчиком до момента осуществления перевода, и понимание **целей** высказывания, дающее возможность переводчику предполагать общий смысл высказывания.

¹ И. А. З и м н я я, Г. В. Ч е р н о в. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. «Тезисы Всесоюзной конференции по вопросам теории и методики преподавания перевода», 12—14 мая 1970 г., М., 1970, часть 1, стр. 113.

² Цит., стр. 112.

В. ГАК

(Москва)

О ДВУСТОРОННЕЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Исходя из того, что двуязычные словари показывают эквивалентность лексических единиц двух языков на семантическом уровне, можно было бы предполагать, что два противоположных словаря (например французско-русский и русско-французский) совместно выявляют двустороннюю межъязыковую эквивалентность и дают равную информацию о каждой лексеме в отдельности и о языке в целом, то есть:

а) в каждом отдельном случае эквивалентное соотношение, фиксируемое в одном из словарей, воспроизводится в другом словаре. Если, например, слово А во французско-русском словаре переводится словом В, то в русско-французском словаре слово В переводится французским словом А;

б) в целом, правая часть одного словаря должна в совокупности совпадать с левой частью другого словаря, и наоборот. Иначе говоря, в русской части французско-русского словаря мы могли бы обнаружить все русские слова и выражения, переводимые в русско-французском словаре на французский (и наоборот).

Действительность, однако, не оправдывает этих ожиданий. Два противоположных словаря не составляют двусторонней эквивалентности и значительно расходятся по той информации, которую они сообщают в отношении каждого из двух языков.

В качестве эксперимента «Французско-русский словарь» К. А. Ганшиной (изд. 5-е, М., 1962, далее — ФРС или Гн.) был проверен нами через «Русско-французский словарь»

Л. В. Щербы и М. А. Матусевич (изд. 9-е, М., 1969, далее — РФС или Щ). Были взяты в РФС подряд все слова в отрезке *на* — *наградить* (примерно 200 вокабул) с целью установить, имеются ли приводимые в этом словаре эквиваленты (переводы заглавных слов и иллюстраций) под соответствующими словами в словаре К. А. Ганшиной. В переводах этих 200 вокабул было обнаружено более 300 эквивалентов, не засвидетельствованных во французско-русском словаре. Как видно, объем новой информации, даваемой в одном словаре по сравнению с другим, довольно велик. Какого же рода эта информация? В чем заключается то новое, что может получить ФРС, если перенести в него отсутствующие эквиваленты из РФС.

Можно выделить 13 групп такой новой информации, дополнительных эквивалентов.

1. Значения слов, пропущенные в ФРС. Словарь Ганшиной отмечает два значения у слова *distinction*: 1) *различие, различение*; 2) *благовоспитанность*. Словарь Щербы дает эквивалент: *высокая правительственная награда haute distinction officielle*, отражающий третье значение этого слова: 'награда', 'знак отличия', фиксируемый толковыми французскими словарями.

Иногда эквивалент РФС позволяет уточнить оттенок значения слова, не выявляемый с помощью эквивалентов ФРС. Особенно это важно в отношении интернациональных слов, где за общностью формы в двух языках могут скрываться существенные семантические различия. Так, *concret* в словаре Ганшиной переводится *конкретный*, что может навести на мысль о том, что оно также значит в первую очередь 'определенный' (ср. словарь синонимов русского языка). Между тем французское прилагательное означает прежде всего 'чувственно воспринимаемый', то-есть 'материально оформленный', 'реальный', 'наглядный'. Это его значение отражено в РФС эквивалентом *наглядный concret*, который следовало бы перенести и в ФРС: *concret конкретный, наглядный, осязаемый*.

2. Значения, передаваемые в русском языке средствами словообразования. Французскому слову *observation* в русском языке в определенных контекстах соответствует *наблюдение* или *наблюдательность*. Последний эквивалент отсутствует в ФРС, но зафиксирован, естественно, в РФС: *esprit d'observation наблюдательность*. ФРС почти совсем не отражает русских форм уменьшительности и собирательности и особенно —

значения русских глагольных приставок. Как правило, ФРС переводит глагол в самой общей форме и лишь РФС приводит эквиваленты, в русской части которых представлены приставочные глаголы. В пределах нашего материала, ФРС систематически опускает глаголы с префиксом *на-* — во многих его продуктивных значениях (они обнаруживаются только в РФС):

а) наложение на предмет:

pendre	Гн. <i>вешать</i>	Щ. <i>навесить</i>
--------	-------------------	--------------------

б) соотнесение действия с неопределенным числом субъектов или объектов:

accourir	Гн. <i>прибегать</i> <i>сбегаться</i>	Щ. <i>набежать</i> (о множестве людей)
apporter	Гн. <i>приносить</i> ; <i>привозить</i>	Щ. <i>навезти</i> (чего-л.)
cueillir	Гн. <i>собирать</i>	Щ. <i>*набрать</i>
enfoncer	Гн. <i>вбивать</i>	Щ. <i>набить</i> (гвоздей)

в) чрезмерность действия, удовлетворенность действием:

admirer	Гн. <i>любоваться</i> , <i>восхищаться</i>	Щ. <i>ne pouvoir assez admirer</i> не <i>наглядеться</i>
courir	Гн. <i>бегать</i>	Щ. <i>набегаться</i>
parler	Гн. <i>говорить</i>	Щ. <i>наговориться</i>
regarder	Гн. <i>глядеть</i>	Щ. <i>наглядеться</i>
bavarder	Гн. <i>болтать</i>	Щ. <i>наболтаться</i>

Для установления эквивалентов РФС сопровождает французские глаголы соответствующими характеристиками: *assez*, *à son aise*, *son soûl*, *à satiété* и др.

3. Идеографическая конкретизация общего перевода ФРС специализированными переводами РФС:

s'approvisionner	Гн. <i>запасаться</i>	Щ. <i>набрать</i> (воды)
couvrir	Гн. <i>закрывать</i> , <i>покрывать</i>	Щ. <i>набегать</i> (о тучах и т. п.)
construction	Гн. <i>сооружение</i>	Щ. <i>наводка</i> (моста)
de part en part	Гн. <i>насквозь</i>	Щ. <i>навылет</i> (о ранении)
chargeur	Гн. <i>засыпщик</i> , <i>загрузчик</i>	Щ. <i>навалотбойщик</i>
acquis	Гн. <i>знание</i> , <i>опыт</i>	Щ. <i>навык</i>

4. Эквиваленты, отражающие экспрессивную и стилистическую конкретизацию общего значения, фиксируемого в ФРС.

calomnie	Гн. клевета	Щ. навет (уст.), наговор (разг.)
*gonfler	Гн. пухнуть, раздувать	Щ. набрякнуть (разг.)
prédire	Гн. предсказывать, предвещать	Щ. наворожить (разг.)
nuire	Гн. вредить	Щ. нагадить
accuser	Гн. обвинять	Щ. accuser à tort наврать на кого-либо (разг.)

5. Варианты эквивалентов, которые имеют примерно одинаковый объем значения и стилистические характеристики и создаются путем использования:

а) морфологических вариантов слов (замена аффиксов или корней):

ajouter	Гн. прибавить	Щ. набавить
atteindre	Гн. догнать	Щ. нагнать
abattre	Гн. настрелять	Щ. набить (дичи)

б) замены слова словосочетанием и наоборот:

enrôler	Гн. набирать	Щ. производить набор
critiquer	Гн. критиковать	Щ. наводить критику
faire peur	Гн. пугать	Щ. наводить страх
avoir la frousse	Гн. трусить	Щ. страху набраться
esquisser	Гн. сделать набросок	Щ. набросать

Использование словосочетания сопровождается транспозицией семантемы из одной части речи в другую.

в) синонимов, в особенности «свежих»¹, живописных, менее употребительных слов:

inspirer qch à qn	Гн. внушать	Щ. навевать
sans faute	Гн. непременно	Щ. наверняка
rencontrer	Гн. встретить	Щ. набрести на
cyniquement	Гн. цинично	Щ. нагло
à l'envers	Гн. наизнанку	Щ. навыворот

«Живописные» слова оказываются более экспрессивными, так что этот случай сближается с п. 4.

6. Сокращенное, конденсированное обозначение того же понятия. Это явление не случайно, так как в ФРС французские слова толкуются при помощи развернутого, не эллиптического русского перевода, тогда как в РФС представлены все однословные обозначения. Например:

acéché	Гн. наваренный сталью	Щ. наварной
--------	--------------------------	-------------

7. Переносные обозначения:

apporter	Гн. <i>доставить</i>	Щ. <i>навеять</i> (le vent nous a apporté de la fraîcheur <i>ветер навеял прохладу</i>)
douloureux	Гн. <i>болезненный</i>	Щ. <i>наболевший</i> (le point douloureux <i>наболевшее место</i>)

8. Антонимические трансформации: ФРС приводит выражение ouvrir la bouche *заговорить*; РФС дает его в отрицательной форме, с антонимом русского слова в качестве эквивалента: *словно в рот воды набрать* ne pas ouvrir la bouche.

9. Транспозиции. Эквиваленты из РФС показывают возможность употребления семантемы, соответствующей семантеме переводимого французского слова в форме иных частей речи. Разумеется, подобные транспозиции дает порой и ФРС. Но материал РФС позволяет обнаружить такие транспозиционные эквиваленты более широко и регулярно. Приведем некоторые примеры (иногда транспозиция связана с употреблением новой лексемы, см. п. 5 и др.)².

tout nu	Гн. <i>совсем голый</i> (A)	Щ. <i>нагишом</i> (D)
éméché	Гн. <i>выпивший</i> (A)	Щ. <i>навеселе</i> (D)

Однако в большинстве случаев транспозиция связана с использованием лексемы в сочетании со служебным или полуслужебным словом. ФРС, как правило, таких сочетаний не дает, ибо они не представляют трудностей для понимания. РФС отмечает эти эквиваленты именно в силу расхождения морфологического способа выражения одних и тех же значений. Например:

évidence	Гн. <i>очевидность</i> (N)	Щ. <i>avec évidence наглядно</i> (D)
alarme	Гн. <i>тревога</i> (N)	Щ. <i>cloche d'alarme набатный</i> (A) <i>колокол</i>
faute	Гн. <i>ошибка</i> (N)	Щ. <i>faire une faute ошибиться</i> (V)
cire	Гн. <i>воск</i> (N)	Щ. <i>enduire de cire навощить</i> (V)
affluence	Гн. <i>стечение</i> (N) <i>(народа)</i>	Щ. <i>il y a eu une grande affluence набралось</i> (V) <i>много народу</i>
habile	Гн. <i>ловкий</i> (A)	Щ. <i>devenir habile au tir наостриться</i> (V) <i>стрелять</i>

probable	Гн. <i>вероятный</i> (А)	Щ. c'est peu probable <i>навряд ли</i> (D.)
douter	Гн. <i>сомневаться</i> (V)	Щ. je doute qu'il vienne aujourd'hui <i>навряд ли</i> (D) <i>он сегодня придет</i>
composer	Гн. <i>набирать</i> (V)	Щ. machine à composer <i>наборная</i> (А) <i>машина</i>

10. Субъектно-объектные трансформации.

Эквиваленты РФС нередко имеют то же общее значение, что и эквиваленты ФРС, но отличаются от него актантной структурой. Это касается глаголов и отглагольных существительных. К существительному *admission*, переводимой в ФРС *допущение, принятие*, словарь Л. В. Щербы добавляет эквивалент *набор*. Проанализируем различия между этими эквивалентами. «Поступление лица на какую-либо работу, в какую-либо организацию» может происходить по инициативе лица или же по инициативе нанимателя (принимающего) и описываться таким образом, что за исходную точку принимается согласие либо лица, либо нанимателя. Так формируется четыре способа описания этой ситуации в пределах отмеченных ее аспектов:

Инициатива лица: *поступить*

Согласие учреждения: *принять*

Инициатива учреждения: *набирать, вербовать*

Согласие лица: *завербоваться* (иногда: *пойти*)

Таким образом, слова *прием* и *набор* отличаются исходной точкой зрения на процесс, и в речи, при отвлечении от указанного дополнительного значения, могут выступать как синонимы. В ФРС актантные трансформы (конверсивы) почти никогда не выступают как эквиваленты французских глаголов в форме инфинитива. Однако они часто используются в РФС в качестве эквивалентов в следующих случаях:

а) при пассивных формах глаголов (конверсив принимает форму личного глагола, безличного глагола, выражения с центростремительными глаголами типа *получить*):

tancer	Гн. <i>журить, бранить</i>	Щ. j'ai été tancé <i>мне нагорело</i>
dégouter	Гн. <i>приедаться</i>	Щ. en être dégoûté <i>на- бить оскомину</i>

б) при каузативных конструкциях:

inviter	Гн. <i>приглашать</i>	Щ. se faire inviter <i>на- вязаться в гости</i>
---------	-----------------------	---

в) при предикативных выражениях типа *plein de*:

<i>plein de</i>	Гн. <i>наполненный</i>	Щ. <i>набраться</i> : les plis sont pleins de pous- sière в складках на- бралось много пыли
-----------------	------------------------	--

г) при введении в словарь словосочетаний, отсутствующих в ФРС. Словарь К. А. Ганшиной под словом *сафард тоска* приводит выражение *avoir le safarд хандрить*; словарь Л. В. Щербы добавляет словосочетание с каузативным значением: *ficher le safarд нагнуть тоску*; выражение *нагнуть тоску* и *хандрить* образуют лексическую залоговую пару. ФРС дает выражение с возвратно-каузативным значением: *se mettre la cervelle à l'envers напрягать мозг*; РФС добавляет то же выражение в ином залоговом значении (состояние) *il a la cervelle à l'envers у него мозги набекрень*.

11. Свободные и фразеологизированные словосочетания. Выше мы встречались с примерами того, что русско-французский словарь фиксирует сочетания других слов с данным словом, отсутствующие во французско-русском словаре. Это объясняется прежде всего тем, что для обозначения одних и тех же аспектов действительности язык пользуется средствами выражения различной степени специализации. И, естественно, данное значение фиксируется в том словаре, левая часть которого содержит более специализированный элемент. Сравним эквиваленты *mettre sur les traces наводить на след*; *fixer une porte навесить дверь*. Во французских словосочетаниях используются глаголы самого общего значения, не образующие с существительными специфического словосочетания. В русских выражениях глаголы более индивидуализированы и не случайно эти эквиваленты фигурируют только в РФС и отсутствуют в ФРС. Разумеется, если бы ФРС содержал в себе элементы аналогического словаря или словаря словосочетаний, то есть, если бы он фиксировал все типичные ситуации, в которых представлен предмет, обозначаемый словом, независимо от того, обозначаются ли эти ситуации свободным или специализированным словосочетанием, то данное выражение должно было быть представлено в этом словаре. Однако словарь К. А. Ганшиной таких задач перед собой не ставил.

Сопоставление двух словарей вскрывает и различия в семантической акцентуации элементов словосочетания.

Эквивалент accéder aux désirs de qn *пойти навстречу кому-л.* в ФРС приводится под глаголом accéder, а в РФС при слове *навстречу*, так как переносный элемент во французском выражении заключен в глаголе accéder, а в русском преимущественно в наречии.

Некоторые образные фразеологические выражения обнаруживаются только в РФС, так как соответствующие ситуации фиксируются идиоматическими средствами в русском языке и не фиксируются идиоматически в другом. Например:

boutonner jusqu'au menton	Щ. <i>застегнуть наглухо</i> (в Гн. — отсутствует)
embrouiller une chose qui est simple	Щ. <i>наводит тень на ясный день</i> (в Гн. — отсутствует)

12. Б е з э к в и в а л е н т н а я л е к с и к а. Последние примеры с фразеологизмами подводят нас к тем случаям, когда лексически фиксированный способ обозначения какой-либо реальности существует только в одном из сопоставляемых языков. Хотя реальность, обозначаемая словами *кипяток* или *сутки* знакома и русскому и французскому, французский язык не имеет специальных лексических средств для их обозначения. Поэтому слово *сутки* например, которое мы, естественно, обнаруживаем в РФС, отсутствует в правой части ФРС, какое бы слово мы ни смотрели. Тем более безэквивалентные лексемы отсутствуют в ФРС, если они обозначают реалии иной жизни, частные особенности быта. В рассмотренном материале встретилось два таких примера: pour être consommé en dehors de l'établissement *навынос* и acheter une pastèque après l'avoir entaillée (et goûtée) *купить арбуз навыврез*. Тщетно было бы искать эти русские слова в ФРС, в статьях consommer, entailler (или pastèque).

13. С и т у а ц и о н н ы е э к в и в а л е н т ы. И наконец, РФС дает предикативные эквиваленты, отличающиеся значительным расхождением лексико-синтаксических структур, но указывающие на одну и ту же экстралингвистическую ситуацию. Для частицы *на!* РФС дает переводы: tiens! voilà! attrape! (лови); prends! (ce livre). Ни один из этих эквивалентов не значится в ФРС, отчасти потому, что этот словарь дает глаголы лишь в неактуализированной форме инфинитива. К ситуационным можно отнести и эквивалент on n'a jamais assez d'argent avec lui *на него не напа-сеешь денег*, так как русские глаголы *напасть* и *нагото-*

ваться употребляются почти исключительно в отрицательно-предикативной форме.

Каковы же **причины** неэквивалентности между двумя словарями, чем объясняется отсутствие во француско-русском словаре информации, которую мы находим в русско-французском словаре. Эти причины можно объединить в три группы.

Прежде всего это расхождение в плане содержания. Известно, что языки по-разному членят мир, по-разному выделяют и классифицируют факты внеязыковой действительности, в связи с чем создаются безэквивалентные лексические единицы, либо единицы (слова и выражения) с неодинаковым объемом значения. Составитель пассивного словаря (французско-русского словаря для русских), как правило, не думает о том, что для выражения таких-то особых значений, для описания таких-то особых ситуаций русский язык обладает специализированным фиксированным средством, и не включает эти обозначения в словарь. Он предоставляет возможность самому читателю найти эти аутентичные средства выражения.

Вторая причина — расхождения в плане выражения. Одно и то же значение может быть выражено (с нерелевантными в данной ситуации оттенками) рядом синонимов. ФРС дает далеко не все из них, в то время как РФС, вынужденный давать переводы для всех слов русского языка, устанавливает много эквивалентов, отсутствующих во французско-русском словаре.

Но главная причина недостаточной информации словаря в той **к о н ц е п ц и и**, которая утвердилась в последнее время в отношении «пассивных» словарей. Трагедия двуязычных словарей состоит в том, что их правая часть по сути дела во множестве случаев не содержит ни перевода, ни подлинного толкования слов исходного языка.

Эквиваленты двуязычных словарей во многих случаях нельзя признать толкованиями слов иностранного языка, ибо одно слово другого языка и даже серия синонимов не дают полного представления об объеме значения и особенно о коннотациях данного слова. Пояснения в существующих словарях совершенно недостаточны. Так, в 3 издании словаря К. А. Ганшиной *agrégé* и *licencié* — *две различные ученые степени* — толкуются одинаково и приравниваются оба к русскому понятию 'кандидат наук'. Глагол *aggraver* переводится *прибывать; приезжать, приходить*. Это — неполное представление о семантическом объе-

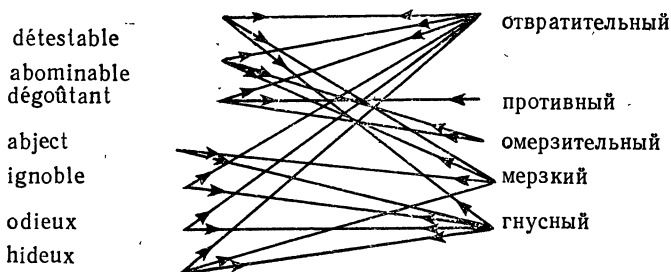
ме глагола, который может быть равен и русским глаголам *прилетать* (о самолете), *притекать* (о воде) и т. п.

Эквиваленты словарей нельзя признать и полноценными переводческими эквивалентами, так как они не дают представления о закономерных лексико-грамматических трансформациях, наблюдаемых при переходе от одного языка к другому при обозначении одной и той же действительности. Анализ эквивалентов, даваемых «активным» словарем, показывает, в каком направлении следует искать эти трансформации и переводческие эквиваленты: это семантическое и экспрессивно-стилистическая конкретизация (или расширение), синтаксические трансформации (замена частей речи), актантные трансформации, ситуационные эквиваленты. Элементы этих преобразований отмечаются в существующих словарях, но даются они эмпирически, непоследовательно. Речь идет о том, чтобы давать их в словарях осознанно, последовательно, проверяя каждую вокабулу на все отмеченные преобразования. Целесообразно также подумать и о графической стороне дела. Так, в словаре Л. В. Щербы читаем: *набить оскомину* (разг.) *agacer les dents*; (перен.) *en être dégoûté*, между тем как эти переводы представляют собой конверсивы и употребимы лишь в предложениях различной актантной структуры. Полезно конверсивы отмечать особым знаком, например: ...*agacer les dents*; перен. \rightleftharpoons *en être dégoûté*.

Итак, переводческий словарь должен давать, с одной стороны, необходимое толкование значений слов иностранного языка с помощью языка перевода. С другой стороны, не ограничиваясь общими эквивалентами, он должен отражать характерные семантико-структурные трансформации, связанные с введением данного слова в речь. Если даже примеры левой части будут несколько искусственными, важно показать читателю, в каких ситуациях язык перевода пользуется своеобразными средствами обозначения. Отметим кстати, что лексикографы прошлого предпринимали попытки такого рода, стихийно осознавая необходимость и пользу этой информации. Так, в 1900 году вышел «Французско-русский толковый словарь» В. Е. Каменского, который давал русский перевод значений французских слов по словарю Ларусса. При всей наивности исполнения, этот опыт представляется любопытным. Что касается введения в правую часть богатства средств выражения языка перевода, то интересную попытку мы видим в известном Французско-русском словаре Н. Макарова, который дает спе-

циальные микроконтексты, позволяющие при переводе использовать приставочные глаголы русского языка, например, *casser* не только *разбить*, но и *отбить*, *сбить*, *перепить*, *перерубить* и т. п. И еще раньше, в XVI веке, известный французский лексикограф Ж. Нико в своем «*Thrésor de la langue française*», который является перевернутым французско-латинским словарем Р. Этьенна, приводит следующие эквиваленты: *rouler* *volvere*; *rouler devant soi* *provolvere*; *rouler derechef* *revolvere*; *rouler de quelque lieu* *evolvere*, *rouler vers quelque lieu* *advolvere* и т. п. Подобный словарь не только показывает точность и богатство средств выражения соответствующих значений в языке перевода (здесь — в латинском), но к тому же, по справедливому замечанию Б. Кемада³, он является каталогом двух языков по означаемым. «Перевертывание» словарей позволяет обнаружить ту систему релевантных означаемых, которая имеет закрепленное означаемое в обоих или в одном из сравниваемых языков, и следовательно, установить реальную двустороннюю межъязыковую эквивалентность.

Мы рассматривали двустороннюю эквивалентность словарей в пределах отдельной вокабулы, одной лексемы. Представляет большой интерес установление двусторонней эквивалентности для целых лексико-семантических групп слов (семантических полей). Возьмем в качестве примера группу прилагательных отрицательной оценки (мы ограничиваемся 8 французскими и 5 русскими словами): французское *détestable* переводится в ФРС *отвратительный*, *мерзкий*, *гнусный*. В свою очередь *отвратительный* в РФС переводится *détestable*, *abominable*, *dégoûtant* и др. Идя от французских прилагательных к русским и от русских к французским, получаем следующую сетку словарных эквивалентностей (стрелка показывает, при переходе от какого языка к другому обнаружено данное соотношение в словаре):

Из 18 эквивалентностей (если их считать правильно отмеченными) 17 зафиксированы во французско-русском словаре и 13 в русско-французском. Эта неравномерность объясняется, по-видимому, тем, что лексическая группа с данным значением во французском языке более многочисленна, чем в русском, и при переводе с французского лексикографы обращаются к одним и тем же русским прилагательным, тогда как в переводах с русского они проявляют тенденцию к специализации эквивалентов. В РФС отсутствует почти треть зафиксированных лексических соответствий. Обращает на себя внимание тот факт, что в РФС отсутствует соотношение: *гнусный* abject, хотя в ФРС это русское прилагательное значителен первым в ряду синонимов, переводящих французское слово.

Сколь ни были пространны лексические группы, они представляют собой закрытые ряды и в совокупности показывают способы выражения одного и того же понятийного поля в двух языках. Члены каждого ряда дифференцируются в плане парадигматическом (например, *odieux* относится к моральным нормам, *hideux* — к внешнему виду) и синтагматическом (например, *отвратительная погода* *temps détestable*). Сопоставление обоих рядов в межъязыковом плане позволит уточнить двустороннюю эквивалентность для всех членов ряда в отдельности и получить богатейший материал для двуязычного словаря синонимов.

¹ О «свежих словах» см. А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955, стр. 90.

² N — существительное, V — глагол, A — прилагательное, D — наречие.

³ В. Q u e m a d a. Les dictionnaires du français moderne. 1539—1863. Р., 1968, р. 271.

Г. ПАВЛОВ

(Ростов на Дону)

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ

Сокращенные слова стали неотъемлемой частью всех европейских языков. Их количество в каждом языке настолько велико, что практически не поддается учету. Со-

здание словарей сокращенных слов, употребляемых в отдельных языках, давно уже стало насущной необходимостью. Такие словари для многих европейских языков уже существуют. При знакомстве с ними нельзя не обратить внимание на своеобразную диффузию: взаимное проникновение сокращенных слов одного языка в другой язык. Так например, «Словарь немецких сокращений»¹ содержит до 40% иноязычных, преимущественно английских, сокращений. Подобное явление, хотя может быть и в меньшей степени, наблюдается и в других словарях. Это делает очень заманчивой идею создания словаря сокращений не одного, а нескольких языков. Наша отечественная лексикография уже имеет опыт создания подобного словаря.² Однако этот словарь отражает сокращения только из одной, хотя и очень обширной области — военного дела.

Новый многоязычный словарь сокращений³ охватывает самые различные области применения сокращенных слов: науку и технику, прессу и радио, общественные, государственные и международные организации и т. д.

От составителя подобного Словаря требуется большой опыт и языковое чутье, чтобы из необозримого множества сокращений выделить насущно необходимые. Разумеется, при таком огромном количестве словарных единиц неизбежны пропуски и просчеты. На тех из них, которые кажутся наиболее симптоматичными, здесь следует остановиться.

В Словаре отсутствуют многие сокращенные обозначения реалий из жизни Германской Демократической Республики, прочно вошедшие в употребление: ABV Abschnittsbevollmächtigter der Volkspolizei *участковый уполномоченный народной полиции*; BBC Betriebsberufsschule *школа производственного обучения*; SDAG Sowjetisch-Deutsche Aktiengesellschaft *Советско-германское акционерное общество*; MM Mustermesse (Лейпцигская) *ярмарка образцов*, MMM Messe der Meister von morgen *Выставка технического творчества молодежи*; TOM technisch-organisatorische Maßnahmen *техничко-организационные мероприятия*; VAN vorläufige Arbeitsnormen *предварительные производственные нормы*; VV Verbesserungsvorschlag *рационализаторское предложение*; HOL Handelsorganisation Lebensmittel) *государственная торговля продовольственными товарами*, 2) *государственный магазин продтоваров*; HOWA Warenhaus der Handelsorganisation *промтоварный магазин системы государственной торговли*; VST или VSt Verkaufs-

stelle магазин, торговая точка; PV Parteivorstand партийное руководство; RTS Reparatur- und Technische Station станция ремонта сельскохозяйственной техники; SSG Sportgemeinschaft школьная спортивная организация; HGL Hausgemeinschaftsleitung домовый комитет; UTP Unter-richtstag in der Produktion политехническая практика, проводимая на предприятии; MAS Maschinen-Ausleihstation машинопрокатная станция; SAG Sozialistische Arbeits-gemeinschaft бригада социалистического труда; G Güte и Q Qualität оба сокращения со значением 'качество' очень популярны в ГДР, где ведется постоянная борьба за повышение качества продукции.

Нет в Словаре сокращенных названий многих политических партий, часто упоминаемых в газетах: PVAP нем. Polnische Vereinigte Arbeiterpartei Польская объединенная рабочая партия, ПОРП; FPÖ нем. Freiheitliche Partei Österreichs Австрийская партия свободы; USAP нем. Ungarische Sozialistische Arbeiterpartei Венгерская социалистическая рабочая партия, ВСРП; SP нем. Sozialistische Partei социалистическая партия; KPF нем. Kommunistische Partei Frankreichs Французская коммунистическая партия, ФКП; ВКР нем. Bulgarische Kommunistische Partei Болгарская коммунистическая партия, БКП и т. д.

Отсутствуют в Словаре многие сокращенные названия государств, прочно вошедшие в газетный обиход: VR нем. Volksrepublik Народная республика; MVR нем. Mongolische Volksrepublik Монгольская Народная Республика, МНР; ČSSR чешск. Československa Socialistická Republika Чехословацкая Социалистическая Республика, ЧССР; RVR нем. Rumänische Volksrepublik Румынская Народная Республика.

Нет в Словаре многих широкоупотребительных, по сути ставших интернационализмами, сокращений, обозначающих различные общества и организации, возникшие в большинстве своем в послевоенные годы: ANF англ. Atlantic Nuclear Forces Атлантические атомные силы; MLF англ. Multilateral Forces Многосторонние атомные силы; OAS фр. Organisation del' Armée Secrète Секретная вооруженная организация, ОАС; ALN фр. Armée de la Libération Nationale Армия национального освобождения; UEFA фр. Union Européenne des Football Associations Европейская федерация футбола.

В Словаре не хватает многих технических неологизмов: PTL нем. Propeller-Turbinen-Luftstrahl турбовинтовой и

с тем же значением Turboprop; PAN Polyacrylnitril *синтетическое волокно*; laser *англ.* light amplification by stimulated emission of radiation *лазер*; maser *англ.* microwave amplification by stimulated emission of radiation *мазер*; radar *англ.* radio detecting and ranging *радар, радиолокация*; SECAM *фр.* Séquentiel à memoire *система цветного телевидения*, изобретенная А. Дефрансом.

В предисловии «От автора»⁴ говорится, что в Словарь не включаются сокращения, «являющиеся достоянием отраслевых словарей, в том числе военных». Очевидно, это положение, верное само по себе, было применено слишком категорически, поскольку в Словаре отсутствуют многие военные сокращения, вышедшие за узкие рамки специального термина и часто употребляемые в художественной литературе, напр. MPi или MP *нем.* Maschinenpistole *автомат*, MG *нем.* Maschinengewehr *пулемет*, правда, есть совершенно аналогичное MG *англ.* machine-gun. Отсутствует Flak *нем.* Fliegerabwehrkanone *зенитка*, но есть менее употребительное Fla *нем.* Flugabwehr *противовоздушная оборона*. Отсутствует v. D. *нем.* vom Dienst *дежурный*; Napalm или napalm *межд.* natriumpalmitat *напалм* (зажигательное вещество); kv *нем.* kriegsverwendungsfähig *годный к военной службе*, отсюда Kv-Maschine *воинская врачебная комиссия*, всех без разбору посылающая на фронт; uk *нем.* unabkömmlich *освобожденный от военной службы*.

Словарь не отражает также «многие устаревшие сокращения». Однако к устаревшим сокращениям следует отнести лишь те, которые *бесследно* исчезли из языка, если же сокращения вышли из активного употребления, но все еще встречаются как историзмы, они должны быть отражены в Словаре. В качестве примера можно привести многочисленные немецкие сокращения, являющиеся обозначениями основных организаций и учреждений времен гитлеровской Германии. Вычеркнуть их из словаря сокращений нельзя, поскольку они все еще очень часто встречаются в художественной и политической литературе. Поэтому совершенно неоправданно отсутствие в Словаре таких сокращений как HJ Hitlerjugend *гитлеровская молодежь*, BDM Bund Deutscher Mädel *Союз немецких девушек*; OKW Oberkommando der Wehrmacht *главное командование вооруженных сил*; OKH Oberkommando des Heeres *главное командование сухопутных войск*; KdF Kraft durch Freude *фашистский союз, ведавший организацией досуга, теперь в значении: «увесе-*

лительное мероприятие, проводимое официальной пропагандой с целью отвлечь народ от политики» (ср. „KdF-Betreuung für die Ledernacken in Südvietnam“. „Freie Welt“, Nr. 5, 1966, S. 2).

Нельзя сказать, чтобы из Словаря было придирчиво исключено все лишнее, поскольку здесь во множестве встречаются такие раритеты, как EAGA *англ.* Episcopal Actors' Guild of America *Американская гильдия актеров-приверженцев епископальной церкви*; OMV *англ.* Master of Obstetrics (Vienna) *магистр акушерства* (Венского университета); LSR *швед.* Legitimerade sjukgymnasters riksförband *Национальный союз дипломированных инструкторов лечебной гимнастики* и т. д. От изъятия подобных сокращений Словарь только выиграл бы.

В Словаре почти полностью отсутствуют частично сокращенные слова, т. е. слова или словосочетания, у которых первый компонент после сокращения представлен одной буквой, основной — полным словом. Напр. V-Day *англ.* Victory Day *День победы*; D-wave *англ.* detonation wave *волна детонации, взрывная волна*. В Словаре они либо вовсе отсутствуют — мы не находим, например, таких распространенных слов, как S-Bahn *нем.* Stadtbahn или Schnellbahn *пригородная железная дорога; электричка*; B-Messer *нем.* Belichtungsmesser *фотоэкспонометр*; SB-Laden *нем.* Selbstbedienungsladen *магазин самообслуживания*; V-Mann *нем.* Verbindungsmann *агент, связной* и т. д., либо приводится только их сокращенная часть: D *нем.* Durchgangszug *курьерский поезд прямого сообщения*; U *нем.* Unterseeboot *подводная лодка*, что совершенно не соответствует реальному употреблению таких сокращений: в таком виде они (т. е. точнее говоря, одна их буквенная часть) не употребляются, либо, в редких случаях, употребляются как узкоспециальные индексы. Обычно же они употребляются именно как частично сокращенные слова и именно в таком виде следует помещать их в словаре: U-Bahn *нем.* Untergrundbahn *метро(политен)*, D-Maschine *нем.* Dynamomaschine *динамо-машина*.

| Почти не представлены в Словаре усеченные сокращения, есть, правда, Abo *нем.* Abonnement *абонемент*; Aki *нем.* Aktualitätenkino *кинохроника*, но нет других более частотных усеченных слов: Alu *нем.* Aluminium *алюминий*; lab *англ.* laboratory *лаборатория*; и с тем же значением *нем.* Labor Laboratorium; Uni *нем.* Universität *университет*; Trafo *нем.* Transformator *трансформатор*; Polio *нем.* Po-

liomyelitis полиомиелит; Pneu нем. Pneumatik (автомобильная) шина; Akku нем. Akkumulator аккумулятор; Tacho нем. Tachometer спидометр и т. д.

Для Словаря вообще показательна непоследовательность в отражении и подаче совершенно однородных слов. Так, например, в Словаре есть Sipo нем. Sicherheitspolizei полиция общественной безопасности и Траро нем. Transportpolizei транспортная или железнодорожная полиция, но нет более распространенных Schupo нем. Schutzpolizei охранная полиция, Stupo нем. Stumpolizei западноберлинская полиция (по имени президента Штумма). Следовало бы также отметить, что каждое из вышеназванных слов может обозначать также и представителя соответствующей полиции. Попутно можно привести примеры непоследовательности из области графических сокращений: в Словаре есть n. Chr. нем. nach Christus (в такой-то год) нашей эры; s. t. (лат. sine tempore) без «академического» (на четверть часа) опоздания, точно в назначенное время, но нет сокращений с противоположным значением v. Chr. нем. vor Christus до нашей эры; c. t. (лат. cum tempore) с опозданием на четверть часа и т. д.

В Словаре, правда в очень небольшом количестве, представлены сокращенные слова, характерные для разговорной речи. Эти слова свидетельствуют о том, что модели сокращения активно усваиваются разговорной речью. В одних случаях уже имеющиеся сокращения нарочито переосмысляются (BGB нем. Bürgerliches Gesetzbuch превращается в besonders gute Beziehungen особенно хорошие отношения, т. е. блат), в других случаях сокращенные слова, как правило эмоционально окрашенные, создаются в устной речи по моделям сокращения: VIP англ. very important person разг. весьма важная персона. Многие распространенные сокращения-коллоквиализмы в Словаре отсутствуют: Ami нем. Amerikaner разг. пренебр. янки; Abi нем. Abitur разг. экзамен на аттестат зрелости; JWD нем. ganz weit draußen разг. на отшибе, у черта на куличках, ставшие распространенным эвфемизмом; ВН или Büha нем. Büstenhalter; m. w. нем. machen wir разг. будет сделано; cap англ. captain разг. капитан; exam англ. examination разг. экзамен; f. t. b. англ. full to bursting разг. сыт по горло; b. and s. англ. brandy and soda разг. бренди с содой; r. b. англ. round back разг. портной и т. д.

Не попали в Словарь и некоторые немецкие сокращения-коллоквиализмы, в свое время нашедшие отражение в

«Словаре сокращений немецкого языка»¹, напр. Knif или knif *нем.* kommt nicht in Frage *разг. об этом не может быть и речи*; L. 1. 1. или l-hoch-drei lausig lange Leitung *разг. очень медленно соображающий человек, тугодум.*

По-видимому, здесь сказалась определенная авторская установка, которая, на наш взгляд, нуждается в пересмотре; нужно, напротив, по возможности полнее представить эту широко распространенную разновидность сокращений.

Итак, уже отбор единиц для словаря сокращений представляет огромную трудность. Нельзя сказать, чтобы эта трудность была полностью преодолена составителем: читая газеты, журналы и художественную литературу на английском или немецком языке сплошь и рядом встречаешь сокращения, не нашедшие отражения в Словаре.

Вторая, и меньшая, трудность возникает при установлении равенства между сокращением и его полной формой. Здесь имеется в виду не только расшифровка, а в некоторых случаях толкование, требующие от составителя большого и кропотливого труда, поскольку он не может целиком положиться на данные уже имеющихся словарей сокращений, а должен перерывать массу газетных и литературных источников, отыскивая значение того или иного сокращения. При составлении многоязычного словаря сокращений возникает еще одна трудность: некоторые сокращения допускают расшифровку на разных языках. Происходит это потому, что многие интернационализмы (преимущественно латинского происхождения), по разному пишущиеся и произносящиеся в различных языках, в результате сокращения превращаются в одно (графическое) сокращенное слово: U. V., u. v. *англ.* ultra-violet, *нем.* ultraviolett *ультрафиолетовый*; TNT *англ.* trinitrotoluene, *нем.* Trinitrotoluol *тринитротолуол* (следовало бы привести также: *тол, тротил*).

В подавляющем большинстве подобных случаев Словарь дает расшифровку только на одном языке: ЕМ *швед.* eugoräpnästerskap *чемпионат на первенство Европы*, хотя возможны и ЕМ *нем.* Europäische Meisterschaft и ЕМ *норв.* Europamesterskap с тем же значением. Словарь дает DRV *англ.* Democratic Republic of Viet-Nam, хотя возможны и DRV *нем.* Demokratische Republik Vietnam и DRV *норв.* den demokratiske republikk Vietnam.

Это приводит к непоследовательности в определении полных форм подобных сокращений. Ср. n. r. t *англ.* net register *чистая регистровая вместимость*,

чистый регистровый тоннаж, но BRT *нем.* Brutto-Register-Tonne *мор. брутто-регистравая тонна*. Ср. также приведенные выше TNT и DNT *англ.* dinitrotoluene *хим. динитротолуол*.

Много непоследовательности и путаницы в пометах, характеризующих языковую принадлежность сокращенных обозначений денежных единиц разных стран. Напр., L *leu лей*, L *lev лев*, L *lira лира*, S/sol *соль* (денежные единицы, соответственно Румынии, Болгарии, Италии, Перу) почему-то имеют помету *англ.*, а i. R. Indische Rupie *индийская рупия*, K *Kip кип* (денежная единица Лаоса), Rp Indonesische Rupiah *индонезийская рупия*, S/Ekuadorianischer Sucre *эквадорский sucre* почему-то помечены *нем.*

Столь же произвольны пометы о языковой принадлежности при различных единицах измерения: k *англ.* kilo-кило- (в сложных словах), kA *нем.* Kiloampere *килоампер*, kva, KVA *англ.* kilovolt-ampere *киловольт-ампер*, kV, cm *нем.* Kilovolt per Zentimeter (столько-то) *киловольт на сантиметр*.

Для того, чтобы «Словарь сокращений английского, немецкого, голландского и скандинавских языков» полностью оправдывал свое название, следовало бы приводить полные формы сокращений-интернационализмов на всех упомянутых языках. Но это привело бы к катастрофическому увеличению объема словаря. Многоязычный словарь сокращений не может быть простой суммой нескольких одноязычных. Очевидно, в целях сохранения качества следовало бы при составлении словаря ограничиться только двумя языками: немецким и английским.

Несколько слов о пометах, указывающих на государственную принадлежность сокращенных обозначений. Не следует снабжать пометой «ФРГ», т. е. отмечать как западногерманские реалии, те организации, партии, газеты и т. д., которые существовали и до появления ФРГ или существуют и в других государствах: BZ — это не только Illustrierte Tageszeitung „BZ“ газета «Бецет» (Западный Берлин), но и „Berliner Zeitung“, издаваемая в ГДР; TH *нем.* Technische Hochschule *высшее техническое училище* — напротив, употребляется не только в ГДР, но и в ФРГ, и в Швейцарии (см. ETH); TU *нем.* Technische Universität *технический университет* имеется не только в Западном Берлине, как утверждается в Словаре, но и в ГДР; SPD *нем.* Sozialdemokratische Partei Deutschlands *Социал-демократическая партия Германии* СДПГ (ФРГ) существует с

1869 г., и поэтому не следует ограничивать ее территорией ФРГ (аналогично: BEWAG, ASTA, SAJ и др.); AZKW нем. Amt für Zoll und Kontrolle des Warenverkehrs *Управление таможенных пошлин и контроля (внешнего) товарооборота* находится не в ФРГ, как отмечено в Словаре, а в ГДР.

Словарь не дает каких бы то ни было рекомендаций по произношению сокращений: неизвестно, напр., как следует читать слово VEAB нем. Volkseigener Erfassungs- und Aufkaufbetrieb (für landwirtschaftliche Erzeugnisse) *Народное предприятие по заготовке и закупке сельскохозяйственной продукции* (ГДР) — по названиям букв: va-o-e-a-be, или слитно Veab, если слитно, то на каком из слогов должно стоять ударение? Как читать MAS, AKON, MAD, VEB, UEFA, Interpol? Рекомендации по произношению тем более необходимы, что Словарь предназначен, в частности, для работников радио и телевидения, имеющих дело не только с написанным, но и звучащим словом.

Словарю следовало бы предпослать статью о сокращениях — их произношении и особенностях функционирования в каждом конкретном языке. Необходимо также унифицировать написание сокращений, оговорив во вступительной статье возможные отклонения.

В целях уменьшения объема Словаря следовало бы отказаться от английских расшифровок, даваемых при сокращениях не на германских языках, напр. AFP [фр. Agence France Presse] French News Agency *информационное агентство «Франс пресс» (Франция)*; tr [лат. manu propria] with one's own hand *собственноручно*. Наличие дублирующих английских расшифровок совершенно неоправданно, так как Словарь адресуется русскому читателю, да и английскому читателю от них мало пользы, поскольку при немецких и других германских сокращениях он таких расшифровок не найдет.

Следовало бы также все сокращения-омонимы одного языка свести в одну словарную статью. Напр., 15 статей с сокращением DB, D. В. можно было бы свести к следующим: DB *англ.* (4), D. В. *англ.* (5), DB *нем.* (8), разделив графически различные расшифровки внутри каждой объединенной статьи. Это не только ощутимо уменьшило бы объем словаря, но и значительно облегчило бы поиски нужного слова.

Подводя итог, следует сказать, что в таком огромном лексикографическом труде, каким является Словарь, пропуски, пропуски и ошибки попросту неизбежны, тем более,

что он является первым опытом создания многоязычного словаря сокращений в таком большом объеме и с таким широким тематическим охватом. Несмотря на перечисленные недостатки, Словарь безусловно будет с благодарностью принят читателями.

¹ «Словарь немецких сокращений». Сост. В. О. Блувштейн. 10500 сокращений. М., 1958.

² «Словарь иностранных военных сокращений». Сост. В. В. Борисов, М. А. Дубянский и др. Свыше 35000 сокращений. М., 1961.

³ «Словарь сокращений английского, немецкого, голландского и скандинавских языков». Сост. В. О. Блувштейн. Свыше 33000 сокращений. М., 1964.

⁴ Там же, стр. 5.

Н. ВАЗЕМ

(Фрунзе)

О „ЛИШНЕЙ“ ЛЕКСИКЕ В ОТРАСЛЕВЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

За последние годы издательство «Советская энциклопедия» издало и переиздало целый ряд отраслевых научно-технических словарей. Только немецко-русских отраслевых словарей можно назвать десятки. Это технический, электротехнический, металлургический, математический, по пищевой промышленности, химический, сельскохозяйственный, текстильный, по сварке, по кожевенной и обувной промышленности, по кинофототехнике, по деревообработке, гидротехнический и другие.

Все эти словари изданы «для научных и инженерно-технических работников, переводчиков, преподавателей, студентов и аспирантов».

Хотелось бы высказать некоторые мысли по поводу требований, предъявляемых к отраслевым научно-техническим словарям одной из упомянутых категорий потребителей словарей — переводчиками.

В идеале переводчику для перевода данного конкретного материала нужен такой словарь, в котором была бы только незнакомая ему лексика, т. е. та незнакомая лексика, которая встретится при переводе этого материала.

Разумеется, нет смысла создавать такие индивидуальные словари, но совершенно очевидно, что при составлении сло-

варей нужно заботиться как о его полноте, так и о том, чтобы в словаре не было ничего лишнего.

И именно для исключения из словаря «лишней» лексики производится дифференциация словаря.

ОБЩЕГО СЛОВАРЯ — на

словарь общеупотребительных слов и

словарь научно-технических терминов,

СЛОВАРЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ — на

словари отраслевых научно-технических терминов, а

СЛОВАРИ ОТРАСЛЕВЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ — на

словари узкоотраслевых научно-технических терминов.

И, действительно, кто будет оспаривать, что пользоваться для перевода статьи о новых способах сварки «Немецко-русским словарем по сварке» в сочетании со словарем общеупотребительных слов, например, «Немецко-русским словарем» под редакцией А. А. Лепинга и Н. П. Страховой удобнее, чем «Немецко-русским политехническим словарем» объемом в 140 печатных листов в сочетании с тем же словарем общеупотребительных слов. Удобство и состоит как раз в том, что переводчик огражден от лексики целого ряда отраслей техники, которая в данной статье не встречается.

Но если дифференциации словаря уделяется серьезное внимание, доказательством чего служит появление большого количества отраслевых словарей, то с отбором лексики в словари дело обстоит, к сожалению, далеко не благополучно.

Ведь отраслевые и узкоотраслевые словари используются в сочетании со словарем общеупотребительных слов, т. е. переводчик, приступая к переводу, каждый раз подбирает нужные словари, как бы создает составной словарь. Ценность такого составного словаря, как и любого словаря, определяется наличием возможно большего количества лексики переводимого материала и возможно меньшего количества «лишней» лексики.

Первой группой «лишней» лексики в современных «составных словарях» (название условное) является лексика, повторяющаяся в словарях общеупотребительных слов и отраслевых словарях.

Так, например, в «Немецко-русском словаре по пищевой промышленности» под редакцией канд. техн. наук В. П. Гурни, проф., д-ра техн. наук С. З. Иванова и др. уже на первой странице повторены из «Немецко-русского словаря» под редакцией А. А. Лепинга и Н. П. Строевой следующие термины:

Aal	угорь
Aalmutter	бельдюга
Aas	мездра
aasen	мездрить
Abbauprodukt	продукт расщепления, разложения или распада
abbeeren	обрывать ягоды
abbeizen	протравливать
Abbinden	перевязывание
abbrausen	1. выбродить, перестать бродить
	2. обмывать
abbröckeln	1. крошить, отламывать
	2. крошиться
abbürsten	очищать щеткой
Abdampf	отработанный (мятый) пар
abdampfen	1. выпаривать, упариваться
	2. испаряться
abdämpfen	1. тушить (например, мясо, овощи)
	2. дать испариться, отделять выпариванием
Abdampfkolben	выпарная колба
Abdampfrohr	пароотводная труба
Abdampfung	1. выпаривание, 2. испарение
Abdeckerei	бойня

Таким образом, на этой странице 18 терминов из 30 являются повторениями. А в словаре таких повторений тысячи.

Второй группой «лишней» лексики является терминология других (далеких) отраслей техники, включаемая в отраслевые словари.

Так, например, в «Немецко-русский металлургический словарь» под редакцией д-ра техн. наук, проф. А. Н. Похвиснева, канд. техн. наук Б. И. Застенкер и других включены такие термины:

Fotorelle	фотоэлемент	стр. 228
Fräsen	фрезерование	—»—
frei fallend	свободнопадающий	—»—
Freimaß	свободный размер	—»—
freischwebend	свободнопарящий, находящийся во взвешенном состоянии	—»—

Таких примеров можно привести тысячи.

Кроме того, в отраслевые словари включаются такие значения терминов, которые не имеют к данной отрасли никакого отношения.

Так, например, в «Немецко-русский химический словарь» под редакцией канд. хим. наук В. В. Михайлова и канд. хим. наук Н. Е. Подклетнова на стр. 212 приведены следующие значения слова Faden:

1) нить

2) ус (длинный тонкий кристалл), нитеобразный кристалл

3) столбик (термометра)

Ясно, что первое и третье значения не имеют к химии никакого отношения.

Или на стр. 414 приведены значения слова Leitung:

1) трубопровод

2) провод

Если первое значение и имеет отдаленное отношение к химии, то второе значение относится к совершенно другой отрасли. Подобные примеры можно привести из всех отраслевых словарей.

Результатом наличия этих групп «лишней» лексики и является большой объем отраслевых словарей:

«Немецко-русский словарь по пищевой промышленности», М., 1967 — 35 000 терминов (32 печ. листа).

«Немецко-русский металлургический словарь», М., 1967 — 40 000 терминов (39 печ. листов),

«Немецко-русский химический словарь», М., 1966 — 45 000 терминов (41 печ. лист.),

«Немецко-русский электротехнический словарь», М., 1968 — 50 000 терминов (55 печ. листов),

«Немецко-русский горный словарь», М., 1966 — 65 000 терминов (75 печ. листов).

Исключив «лишнюю» лексику, они могли бы быть значительно компактнее.

Целесообразно отраслевые научно-технические словари снабжать алфавитными указателями русских терминов. Таким указателем снабжен «Немецко-русский математический словарь» под редакцией д-ра физ.-мат. наук Погребысского, что позволяет использовать словарь при переводе с русского языка на немецкий. Таким образом,

можно в большой степени компенсировать отсутствие русско-немецких отраслевых научно-технических словарей.

Хотелось бы, чтобы по затронутым вопросам высказались лица, работающие с отраслевыми словарями.

В. БЕРКОВ

(Ленинград)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЛОВНИКА ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ

В статье рассматриваются две категории слов и словосочетаний, в отношении которых как в отечественной, так, в подавляющем большинстве случаев и в зарубежной лексикографии, по мнению автора, установилась неправильная традиция.

Иноязычные вкрапления

Беспереvodное употребление слов и, в особенности, выражений другого языка — довольно распространенное явление. Например, в книжном стиле большинства европейских языков используется ряд латинских выражений и слов, таких как *ergo*, *sicil conditio sine qua non*, *ad hoc*, *mutatis mutandis*, *nec (non) plus ultra*, *pro domo sua* и т. д. Во многих языках употребительны некоторые французские выражения, например, *couleur locale*, *en bloc*, *en passant*, *au naturel*, *fait accompli*, *faux pas* и т. п. Для так называемого литературно-разговорного стиля в современном норвежском языке характерно широкое использование англицизмов типа *coming man*, *up to date*, *walk over*, *still going strong*, *teach in*, *it* и множество других. Иноязычные вкрапления характерны и для других стилей, в том числе и для разговорного стиля или просторечия. Так, в норвежском разговорно-просторечном стиле встречаются шведизмы: *i början в начале*, *sa smaningom понемногу* и др.

Для теории и практики двуязычной лексикографии здесь особенно важны несколько моментов.

Во-первых, иноязычные вкрапления, независимо от того, что они ощущаются носителями языка, в котором они

употребляются, именно как иноязычные, и независимо от оправданности и желательности их употребления, являются фактами того языка, в котором они используются. Регистрируя словарный состав какого-либо языка, в словаре ограниченного объема, мы руководствуемся только критерием употребительности, и этимологический подход противоречит синхронному¹. При этом существенно, что некоторые широко употребительные в каком-либо конкретном языке иноязычные вкрапления могут иметь более высокую частоту, чем «свои» слова этого языка.

Во-вторых, у каждого из данной пары языков может иметься свой собственный набор иноязычных вкраплений². Для некоторых пар процент общих иноязычных выражений и слов, употребляемый без перевода, будет весьма высоким, для некоторых ничтожно малым. Поэтому какая-то часть этих вкраплений (иногда очень немного, а иногда практически все) будет непонятна читателю-иностранцу.

В-третьих, даже встречая вкрапление, знакомое по родному языку, иностранец нередко не сможет правильно произнести его, не получив специальной информации о его произношении. Например, латинские цитаты весьма различно произносятся в английском, французском, норвежском и русском языках. Даже знание иностранцем правил произношения языка, из которого взято данное выражение или слово, также не является гарантией правильного произношения, поскольку во многих языках иноязычные вкрапления произносятся по своим правилам, в определенных отношениях расходящимся с произношением, принятым в языке-источнике. Ср., например, произношение следующих норвежских примеров с произношением в языке-источнике: *coming map норв.* [*k ɔ̃ m:iŋ maɛn:*] *англ.* [*'kʌmiŋ mæn*], *en suite норв.* [*aŋ svit:*], *фр.* [*ã syit*] и т. д. В языках, где имеется тоническое ударение, употребление того или иного тона в иноязычных вкраплениях определяется иногда довольно сложными правилами.

Таким образом, для того, чтобы правильно произнести то или иное иноязычное вкрапление в каком-либо иностранном языке, читающий должен получить информацию либо о произношении данного конкретного вкрапления, либо о правилах чтения слов языка-источника в заимствующем языке (например, правила чтения французских заимствований в русском, английских, в норвежском и т. д.). В словарной практике второй вид информации обычно читателю

не дается, хотя полезность ее не ограничивается рассматриваемыми здесь иноязычными вкраплениями, и очень важна для правильного произношения имен собственных.

В-четвертых, человек, читающий на иностранном языке, не всегда может определить, что данное слово или выражение является иноязычным вкраплением. Самый очевидный признак такого вкрапления — использование другого алфавита. В случаях, когда алфавит тот же самый, признаком того, что данное слово или выражение взято из другого языка, может служить наличие букв, отсутствующих в алфавите этого языка, например, *ö* в норвежском, *ç* в английском и т. п. Однако этот признак далеко не всегда надежен, потому что во многих языках иностранные слова сохраняют орфографию подлинного вплоть до специфических букв; ср., например, *норв.* *schäfer* (наряду с *schaefer*) *овчарка* при отсутствии в норвежском алфавите буквы *ä*; *англ.* *'chef-d'oeuvre* и т. п. Во многих случаях иноязычное вкрапление вообще бывает лишено каких-либо характерных признаков, которые указывали бы на его происхождение из другого языка; например, во французском выражении *en profil* и в приводившемся выше свецизме *så småningom*, употребляющихся в норвежском, нет внешних признаков иноязычности.

Если входной и выходной языки словаря пользуются разными алфавитами и оба употребляют без перевода выражения из третьего языка, в свою очередь использующего особый алфавит, то между этими двумя транслитерациями возможны расхождения, что может затруднять понимание даже знакомого по родному языку иноязычного вкрапления. Особую сложность для читающего на иностранном языке представляют случаи, когда иноязычное вкрапление (из близкородственного языка) при общем алфавите обоих языков или в транслитерации подвергается некоторым изменениям, и его словообразовательные элементы заменяются соответствующими им словообразовательными элементами заимствующего языка. Существенно и то, что даже определив, что перед ним иноязычное вкрапление (например, по необычным для данного языка сочетаниям букв, диакритике и т. п.), читатель может не знать, из какого языка оно взято.

Сказанное относилось к переводу с иностранного языка на родной. Разумеется, для перевода с родного языка на иностранный иноязычные вкрапления играют меньшую роль, однако, неверно было бы полностью игнорировать

их.. Если данное вкрапление достаточно широко употребительно в родном языке пользующегося словарем, то оно, повторяем, является фактом данного языка, и потребитель словаря вправе рассчитывать на то, что словарь дает ему перевод этого элемента его лексики. Существенно, что, переводя такое вкрапление с родного языка на иностранный, человек в принципе не может заранее знать, употребляется ли это вкрапление также и в языке, на который производится перевод: весьма часто иноязычные беспереводные выражения входного языка словаря не употребительны в выходном. Например, множество англицизмов, распространенных в норвежском (*come back*, *public relations* и т. п.), в русском неупотребительны. Фонетический момент, о котором говорилось выше, при переводе с родного языка на иностранный, приобретает особую важность. Правила произношения таких вкраплений, повторяем, следует считать в принципе неизвестными потребителю родно-иностранного словаря.

Представляется, что сказанное позволяет сделать вывод о целесообразности включения иноязычных вкраплений в словник двуязычного словаря. При этом критерием, которым следует руководствоваться для определения необходимости включения того или иного иноязычного слова или выражения, должна быть употребительность его. Таким образом, составитель двуязычного словаря должен иметь в своем распоряжении авторитетно составленный список иноязычных слов и выражений, достаточно часто употребляемых во входном языке без перевода. В словарной практике, однако, иноязычным вкраплениям обычно уделяется недостаточное внимание, хотя имеются отдельные исключения. Например, датско-исландский словарь³ включает такие иноязычные выражения и слова как *dark horse*, *dolce far niente*, *enfant terrible*, *pro tempore*, *de facto* и т. д.

Крылатые слова

Из характерных черт крылатых слов, упоминаемых в литературе, обычно подчеркивается их интернациональный характер. Однако здесь надо внести некоторые уточнения. Во-первых, даже у тех крылатых слов, употребительность которых не ограничивается одним языковым коллективом, интернациональный характер следует признавать с известными оговорками, т. е. говоря о нем мы, следовательно, подразумеваем распространение этих слов в пределах того

или иного культурного ареала. Во-вторых, даже в пределах одного культурного ареала, в силу различных случайных причин, отдельные крылатые слова бывают употребительны далеко не во всех языках. Например, употребительной в норвежском языке цитата из библии *tiden's fylde* соответствует неупотребительная в русском *полнота времени*. В-третьих, иногда одно и то же крылатое слово в разных языках может получить несколько отличное значение. Например, немецкое *ein Platz an der Sonne* и его точный норвежский эквивалент *en plass i solen* означает 'место на солнце', 'освещенное солнцем место' т. е. 'благоприятные внешние условия для развития, процветания', тогда как русское *место под солнцем* сейчас употребляется в значении 'место на земном шаре', т. е. 'свободное место, где можно разместиться'.

Для крылатых слов, далее, характерна меткость и образность, большая емкость выражаемого понятия. Наряду с такими цитатами — крылатыми словами — в языке употребляется также значительное количество цитат, которые описывают весьма простые ситуации, не обладают особой экспрессивной ценностью и не имеют афористического характера. В отличие от крылатых слов мы будем называть такие цитаты простыми. Примерами русских простых цитат могут быть: *с ним была плутовка такова; спой светик, не стыдись; я пришел к тебе с приветом; а мы ее по усам; все смешалось в доме Облонских; что такое хорошо и что такое плохо* и т. д. Это — большей частью цитаты из стихотворений или прозаических отрывков, которые учатся в школе наизусть, из популярных кинофильмов, пьес, песен, анекдотов и т. п. Употребление простых цитат особенно характерно для непринужденного разговорного стиля речи, и они по большей части употребляются для достижения комического эффекта, но не обязательно с этой целью. Разумеется, граница между крылатыми словами и простыми цитатами условна, и имеется ряд промежуточных случаев.

Для переводной лексикографии имеет принципиальное значение то общественное обстоятельство, что одно и то же крылатое слово в разных языках нередко отличается по своему лексическому и (или) грамматическому составу, т. е., что крылатые слова часто непереводемы буквально (поэлементно). Ср., например, сходный, в общем, состав приводимых ниже норвежских и русских крылатых слов при наличии отдельных отклонений от пословного перевода:

цель оправдывает средства: вместо ожидаемого målet rettferdiggjør midlene употребительна форма hensikten helliger midlet 'намерение освещает средство';

после нас хоть потоп: в норв. употребляется форма etter oss kommer syndfloden 'после нас наступит (будет) потоп' (ср. фр. après nous le déluge).

молчание — знак согласия: ср. норв. den som tier, samtykker 'тот, кто молчит, соглашается'.

неть пророка в отечестве своем — ingen blir profet i sitt eget land 'никто не станет пророком в своей стране' (ср. нем. Der Prophet gilt nichts in seinem Vaterlande.) ср. также норв. det jeg skrev, det skrev jeg (*еже писах, писах*) и исл. það sem ég hefi skrifað, það hefi ég skrifað (в норв. употреблен претерит, в исл. — перфект). англ. a horse, a horse! my kingdom for a horse! и русск. коня! коня! полцарства за коня!⁴

Подобных примеров можно привести огромное количество. Дословная непереводаемость значительного числа крылатых слов означает, что невключение их в переводной словарь по существу лишает читателя возможности правильно перевести их. Это, разумеется, в первую очередь относится к переводу с родного языка на иностранный. Однако иногда крылатое слово может иметь в разных языках настолько различный облик, что даже при переводе на родной язык возможны затруднения. Ср. например, норв. høyt henger de, (og sure er de) 'высоко висят они, (и кислы они)' и соответствующие эквиваленты: русск. *зелен виноград*, нем. die Trauben sind sauer, англ. the grapes are sour.

Все эти моменты, а также соображения о практической невозможности создания для многих пар языков четырех словарей, рассчитанных на разных носителей языка, говорят в пользу включения крылатых слов в двуязычные словари. Можно предположить, что, если бы имелись данные о встречаемости крылатых слов, то многие из последних обнаружили бы более высокую частоту, чем отдельные слова, традиционно включаемые в словники двуязычных словарей. Приблизительные подсчеты показывают, что количество действительно широко употребляемых крылатых слов в языке сравнительно невелико и составляет около нескольких сотен, так что объем, который эти слова с переводами заняли бы в двуязычном словаре, был бы менее 1% объема большого переводного словаря.

Анализ даже полных и хорошо разработанных словарей показывает, однако, что крылатые слова включаются в них в значительно меньшем объеме, чем это, на наш взгляд, было бы оправдано интересами читателя, в особенности крылатые слова, представляющие собой целое предложение.

Существующая дискриминация крылатых слов в двуязычных словарях не может быть объяснена какими-либо теоретическими соображениями. Крылатые слова являются частным видом устойчивых словосочетаний и поэтому характеризуются прежде всего тем, что они в речи не создаются, а воспроизводятся. Одна из причин невнимания к ним двуязычных словарей, по-видимому, не теоретического характера, а практического и состоит в том, что словники двуязычных словарей вырабатываются на основании толковых словарей входного языка, а последние, как правило, регистрируют только те крылатые слова, в которых словопотребление обнаруживает какие-либо особенности (сказанное относится, кстати, также и к пословицам и поговоркам). Вследствие этого, крылатые слова иногда просто выпадают из поля зрения составителей двуязычных словарей. Другой причиной отсутствия крылатых слов в переводных словарях является трудность их перевода⁵.

Крылатые слова, употребляемые только в коллективе входного языка и поэтому не имеющие готовых эквивалентов в выходном языке⁶, представляют для лексикографов особые трудности, требуя не только глубокого знания выходного языка и литературы на нем, но и изобретательности и владения переводческим искусством⁷. Удачно переведенные такие крылатые слова могут, благодаря составителю словаря, получить новую жизнь в языке перевода. Однако трудности, с которыми здесь сталкивается составитель словаря, зачастую столь велики, что именно эта категория крылатых слов охотнее всего исключается составителями из словника. Величина ущерба, наносимого такой практикой пользующемуся словарем, очевидна. Включение же национальных крылатых слов в словарь значительно увеличивает не только его переводческую компетенцию, но и познавательную ценность, сообщая читателю языковые факты существенно обогащающие его речь на иностранном языке, уже извлеченными из литературы.

Что касается так называемых простых цитат, то, насколько нам известно, двуязычная лексикография вообще не уделяет им внимания. Вместе с тем очевидно, насколько полезным было бы читающему на иностранном языке по-

лучать информацию о том, что данное словосочетание или предложение является цитатой. Конечно, состав простых цитат, имеющих распространение в данном языковом коллективе, очень текуч, определяясь множеством факторов, но, по-видимому, все же реально выделить в них сравнительно устойчивое ядро. В некоторых случаях простыми цитатами можно было бы иллюстрировать различные словопотребления.

Крылатые слова и простые цитаты обязательно должны снабжаться особыми пометами которые предупреждали бы читателя о том, что перед ним устойчивое, а не свободное словосочетание.⁸

По-видимому, целесообразно указывать источник или автора крылатого слова, а если составитель в качестве эквивалента дает национальную цитату на выходном языке, то и ее перевод. Например (для пары русский — норвежский):

а ларчик просто открывался (Крылов) ≈ *ofrklaringen lå så snublende nær* (Ibsen);

тяжела ты, шапка Мономаха (Пушкин) ≈ *ve hver den som har fått en så stor gjerning å bæ re på* (Ibsen);

скандал в благородном семействе ≈ *brann i rosenes leir* (Wergeland);

есть еще порох в пороховницах (Гоголь) ≈ *ennå er ikke alle jomsvikinger døde* (Heimskringla) и т. д.

Ср. также нем. *Die Botschaft hör', ich wohl, allein mir fehlt der Glaube* (Goethe) ≈ *свежо предание, да верится с трудом* (Грибоедов)⁹.

¹ Cp. W. H. Whiteley. Loanwords in linguistic description: a case study from Tanzania, East Africa. — Approaches in linguistic methodology. Ed. by I. Rauch and Ch. F. Scott. Madison, Milwaukee and London, 1967, p. 125.

² Здесь, как и во всей заметке, речь идет о тех иноязычных выражениях и словах, которые достаточно широко употребительны в каком-либо языке и понимание которых не должно затруднять культурного читателя.

³ F. Gunnarsson. ðönsk-íslenzk or aboók. Reykjavík, 1957.

⁴ С точки зрения межъязыкового общения безразлично, в каком языке данное крылатое слово впервые возникло и на какой оно впоследствии переведено: для русского говорящего по-английски *a horse! a horse! my kingdom for a horse!* будет точно таким же переводом на английский русский крылатого слова *коня! коня! полцарства за коня!*, как для англичанина *коня! коня! ... будет переводом английского a horse! a horse!...*

- ⁵ Ср. А. Райхштейн. О переводе устойчивых фраз. «Тетради переводчика». М., 1968, стр. 40.
- ⁶ В русском языке такими крылатыми словами являются, например, *а Васька слушает, да ест; блоху подковать; в минуту жизни трудную; дама приятная во всех отношениях; еще одно последнее сказание, и летопись окончена моя* и т. п.
- ⁷ Один из возможных путей— использование удачных переводов на выходной язык тех произведений, откуда взяты эти цитаты. Переводчикам нередко приходится сталкиваться с этой проблемой, и в этом отношении полезен анализ переводов художественной литературы, где переводчики национальную цитату входного языка передают национальной цитатой выходного, ср. например, *Я слышу речь не мальчика, но мужа* (Э. Во. Незабвенная. Пер. Б. Носика. «Иностранная литература», 1969, № 2, стр. 189).
- ⁸ В нашем «Русско-норвежском словаре» (рукоп.) для крылатых слов используется специальный знак (⊖). В статье крылатые слова помещаются перед фразеологизмами.
- ⁹ А. Райхштейн. Указ. соч., стр. 39.

VI

ЗАМЕТКИ

Б. ФОКИН

(Москва)

ПОСТРОЕНИЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Среди многочисленных видов перевода одним из важнейших является устный перевод.

Вряд ли можно рассчитывать на появление в будущем такой карманной сверхэлектронной машинки, которая бы обеспечила устный перевод, да еще синхронный или двусторонний. Расширение международных связей, обмен информацией через многочисленные международные конференции, переговоры, встречи и симпозиумы делают профессию устного переводчика одной из наиболее распространенных.

По существу каждый человек, знающий иностранный язык, в своей работе, жизни в той или иной форме сталкивается и, часто весьма неожиданно, с необходимостью выполнять роль устного переводчика. Можно быть в разной степени профессионалом устного перевода, чаще или реже выполнять эту работу, но навыки устного перевода нужно тренировать и совершенствовать. В практике подготовки переводчиков устный перевод давно уже стал самостоятельной дисциплиной. И все-таки за многие годы (примерно 25 лет) плановой подготовки переводчиков цельной методической системы обучения устному переводу не выработалось. А что касается учебных пособий, то их всего лишь несколько. Но ведь у нас давно сложилась целая школа перевода, в которой работают высококвалифицированные, опытные преподаватели-переводчики, специалисты своего дела между тем, их опыт не обобщен, он как бы остается на уровне эксперимента.

Не будет ни для кого секретом, если скажем, что отсутствие учебных пособий по устному переводу приводит к

чрезмерной импровизации в практике преподавания этого предмета. При этом целевая направленность урока ослабляется, качество подготовки специалистов снижается. Преподаватель устного перевода должен знать, с чего начинать и чем заканчивать урок, он должен также знать, что можно ожидать и требовать от студента через 10—15 уроков.

В последние годы в МГПИИЯ им. М. Тореца, в МГИМО, в других учебных заведениях предпринимались удачные попытки восполнить пробел в учебных пособиях по устному переводу. Имеются в виду работы Г. Я. Туровера, И. А. Тристы, А. Б. Долгопольского «Пособие по устному переводу с испанского языка», Р. К. Миньяр-Белоручева «Пособие по устному переводу с записями», Г. Г. Юдиной «Учитесь устному переводу», М. Ш. Фрадкина «Двусторонний перевод», В. Ю. Розенцвейга «Запись речи при последовательном устном переводе» и некоторые другие.

За рубежом подобных работ тоже мало. Те, что опубликованы, часто представляют собой скорее описание индивидуального опыта в устном переводе, нежели учебное пособие как таковое.

Необходимо разработать методику обучения устному переводу, создать больше учебных пособий по этой дисциплине. В связи с этим на кафедре перевода французского языка МГПИИЯ им. М. Тореца создается учебник, в котором будет отражен опыт коллектива профессорско-преподавательского состава переводческого факультета в подготовке переводчиков-референтов. Здесь можно упомянуть такую интересную и важную для составления пособия проблему, как анализ количественных и качественных ошибок студентов при переводе, над которой работает немало преподавателей института. Без коллективного опыта здесь не обойтись. Другой иллюстрацией этого опыта может служить отбор базовых, «не стареющих» текстов с различной степенью переводческих трудностей, обладающих теми или иными жанровыми и стилистическими особенностями. Пособие должно учитывать не только специфические трудности устного перевода: навыки запоминания, ограниченность времени для обдумывания, понимание речи на иностранном языке с сильным иноязычным акцентом или традиционными особенностями произношения данной страны, отсутствие возможности скорректировать свой перевод, скорость и объем произносимой речи и т. д. Нужно учитывать также психологическую и эмоциональную стороны работы устного переводчика. Для устного переводчика далеко не

безразлично, переводит ли он для нескольких сот людей или нескольких человек, для знакомой или незнакомой ему аудитории, для людей знающих или не знающих иностранный язык, с которого или на который он переводит, стенографируется ли его перевод, который впоследствии может стать официальным документом, или нет. Эти и многие другие особенности профессии устного переводчика тоже нужно учесть, сформулировать в рекомендации для преподавателей. Так, если пособие рассчитано на 2 года обучения, то на первом году все виды работы по устному переводу осуществляются, условно говоря, с пониженными требованиями: соответствующая скорость произнесения речи, сокращенная продолжительность текста для запоминания, повышенная степень догадки при переводе и т. д.

На втором же году обучения устному переводу те же самые виды работы должны быть максимально приближены к рабочей обстановке с учетом приведенных выше профессиональных языковых и психологических особенностей. При отсутствии плановой практики устного перевода преподаватель должен уметь имитировать рабочую обстановку, вводить в уроки игровые элементы, требовать от студентов максимальной мобилизованности, дисциплины речи, правильного поведения и манеры держаться. Не должны быть забыты такие детали как, например, умение работать стоя с блокнотом и карандашом, прослушивание фонограмм речей, содержащих акустические и технические дефекты и т. д. В такой тренировке преподаватель должен использовать опыт из своей практики. В этой связи методически и психологически представляется интересным вопрос личного участия преподавателя в работе класса. К сожалению, нередко бывает, что преподаватель забывает или избегает демонстрировать студентам, как нужно делать разные виды устного перевода. Иногда это происходит из-за неумения преподавателя выполнить тот или иной устный перевод, потому что в своей практике сам он с такой работой не сталкивался, но объяснить студентам приемы и формы перевода может вполне квалифицированно, подготовившись к уроку. К такому явлению можно отнести, например, последовательный перевод с записью. Система записей у нас начала внедряться сравнительно недавно. Переводчиков, владеющих ею, не так уж много. Иногда преподаватель, умея хорошо выполнять многие виды устного перевода за стенами института, слишком перестраховывается в классе, опасаясь допустить ошибки или потери на виду у студентов. Одна-

ко опыт показывает, что разумная работа преподавателя «на равных» со студентами создает благоприятную рабочую обстановку в классе, создает тесный профессиональный и человеческий контакт со студентами.

Таковы некоторые общие соображения методического характера, связанные с составлением учебного пособия по устному переводу.

Теперь о самом пособии.

Общий объем пособия составит 15—17 п. л., оно рассчитано на 250—300 аудиторных часов. Предназначается для студентов специальных факультетов 4 и 5 курсов. Пособие мыслится комплексным, т. е. будет охватывать все наиболее распространенные виды устного перевода и будет содержать тексты, нормы и рекомендации по уровням обучения. Его основные разделы:

1. Перевод с листа.
2. Устное реферирование.
3. Последовательный перевод.
4. Двусторонний перевод.
5. Синхронный перевод.

Эти разделы будут включать следующие главы:

I. Перевод с листа.

1. Устный перевод лексики, фразеологии и штампов. Подобранные тематические глоссарии по общественно-политическим темам, неэквивалентные слова и словосочетания, процедурная лексика международных совещаний.

2. Устный перевод подготовленного текста.

3. Устный перевод с листа без подготовки.

4. Устный перевод-диктовка на машинку или на диктофон.

II. Устное реферирование.

Усложненный перевод с листа газетных материалов.

1. Подготовленное дома сочетание устного изложения и устного перевода с листа газетных материалов по темам и районам мира. Система подчеркивания.

2. Та же работа с предварительной краткой подготовкой в классе.

3. Устное реферирование газетных материалов без подготовки.

4. Отработка схемы: аннотирование, реферирование, перевод с листа.

III. Последовательный перевод.

1. Микрореферирование.
2. Абзацно-фразовый перевод без записи.
3. Усвоение системы записи, как вспомогательной опоры для запоминания. Символизация текста дома с воспроизведением в классе. Специальные упражнения на запоминание с применением записи.
4. Абзацно-фразовый перевод на слух с записью.
5. Последовательный перевод с записью.
6. Перевод фонограмм с записью.
7. Радиоперевод с записью.

IV. Двусторонний перевод.

1. Двусторонний перевод последовательный без записи и с записью.
2. Двусторонний перевод синхронный.
3. Двусторонний перевод смешанный (последовательный и синхронный).

V. Синхронный перевод.

1. Прослушивание текста через наушники.
2. Прослушивание текста через наушники и повторение его в микрофон.
3. Прослушивание текста в наушники и одновременное чтение его перевода.
4. Прослушивание текста в наушники и одновременный перевод его с листа в микрофон.
5. Синхронный перевод текста по частям.
6. Синхронный перевод в замедленном темпе.
7. Синхронный перевод в нормальном темпе. Предусмотреть использование карандаша для записи.
8. Синхронный перевод вполголоса в зале непосредственно для делегатов на совещании.
9. Синхронный перевод в кинозале.

Пособие будет строиться на оригинальных текстах на разнообразные темы, с большим упором на общественно-политические. Фонограммы также будут подобраны на разнообразные темы опубликованных и записанных речей, интервью, выступлений. По сути дела в текстовой материал не будут лишь включены художественная проза, поэзия, жанровые материалы, специальная научно-техническая литература.

Тексты по возможности будут отбираться не актуальные, не злободневные. Они предлагаются как базовые и ти-

повые, к которым преподаватель подбирает материалы из текущей периодики.

Важный методический вопрос связан с распределением текстового материала и упражнений на русском и французском языках. Предполагается не смешивать в одной главе русские и французские тексты, так как закрепление навыков устного перевода будет страдать от частого переключения учащегося с одного языка на другой. Это соображение, разумеется, не касается такого специального вида устного перевода, как двухсторонний. Схема чередований текстов будет такова: глава по конкретному виду устного перевода с французского языка на русский, затем следует аналогичная глава с переводом с русского на французский и т. д.

По каждому разделу устного перевода предусматривается контрольная или зачетная работа. В экзамен по устному переводу, очевидно, будут входить все основные разделы устного перевода.

Все 5 основных разделов пособия включают 27 глав по устному переводу с иностранного языка на русский и 24 главы по устному переводу с русского на французский. Если в среднем на прохождение главы предусмотреть 6 аудиторных часов (т. е. 3 занятия), то весь курс должен уложиться в намеченные 300 часов из расчета 4—6 часов занятий по переводу на старших курсах специальных факультетов.

Работа это ставит много нелегких проблем. Опыта и традиций в этой области накопилось недостаточно. Было бы наивно питать иллюзии относительно методической, педагогической и переводческой неуязвимости такого пособия. Важно добиться, чтобы оно внесло свой скромный вклад в разработку методики подготовки переводчиков.

Г. САВЕЛЬЕВА

(Москва)

О ГРАММАТИКЕ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ПЕРЕВОД

Темой данной статьи является вопрос о типе грамматики и ее месте в курсе обучения переводу.

С методической точки зрения рассмотрение этой темы способствовало бы решению важных для методики препода-

давания перевода вопросов. Например, проблемы определения понятия переводческого явления и связанной с ней проблемы отбора комплекса явлений, подлежащих изучению в курсе перевода, в чем до сих пор не наблюдается единого подхода. В частности, продолжает оставаться нерешенным вопрос о том, какое место должны занимать в курсе перевода грамматические явления, точнее лексико-грамматические трансформации, на изучение которых отводится значительная часть времени в курсе перевода, что вызывает определенные возражения, поскольку в этом усматривается «грамматикализация» перевода, т. е. подмена переводческих явлений грамматическими.

Известно, однако, что явление лексико-грамматической трансформации является одним из основных лингвистических механизмов перевода; развитие автоматизированного навыка трансформации является одной из важнейших задач курса перевода.

Между тем, как показывает практика, выполнение данной методической задачи в значительной степени осложняется отсутствием у студентов необходимой лингвистической подготовки, пробелы в которой приходится восполнять на занятиях по переводу, что и приводит иногда к известной грамматикализации перевода.

В связи с этим представляется более рациональной такая система лингвистической подготовки, которая ориентировала бы студентов на выработку лингво-переводческих навыков и позволяла бы тем самым интенсифицировать курс обучения переводу.

Одним из способов подготовки к курсу перевода является разработка пропедевтических курсов, в том числе курсов грамматики, ориентированной на перевод, на развитие трансформационного навыка, поскольку выработка и развитие названного навыка на уровне одноязычной коммуникации, т. е. в пределах изучаемого иностранного языка, способствовали бы более эффективному развитию трансформационного навыка в пределах двуязычной коммуникации, какой является перевод.

Приведу конкретный пример. Если бы студенты знали возможные способы выражения французского предложения *La production s'est accrûe ces dernières années, on assiste ces dernières années à l'accroissement de la production, les dernières années voient l'accroissement de la production*, то это в значительной степени облегчило бы перевод, отыскание эквивалентов для русского предложения — *за послед-*

ние годы увеличилась продукция — при переводе с русского на французский.

Отвечают ли задаче ориентации на перевод типы грамматик, используемых в практике преподавания языка? Как показывает анализ, используемые грамматики, в том числе и грамматические рекомендации по переводу продолжают в целом основываться, хотя и на детально изученном и описанном, но на формальном, с точки зрения перевода, принципе, так как исходят из понятия грамматической формы и ее дистрибуции (это — традиционные, нормативные грамматики, изучающие грамматические единицы со стороны их формы и на этой основе — их функций, а также структурные грамматики моделей — “patterns”, типа грамматики Фриза).

Достоинством применяемых видов грамматик является то, что в них дается хорошо систематизированный синтагматический (дистрибутивный) аспект функционирования грамматических единиц, обеспечивающий, как известно, правильность построения высказывания в линейном плане, т. е. правильность сочетания (дистрибуции) грамматических единиц между собой при разворачивании высказывания. Этим и объясняется важность изучения данного аспекта, поэтому любая дискриминация в отношении дистрибутивных грамматик могла бы дать лишь негативный эффект.

Однако с точки зрения перевода, где отношения между языковыми единицами устанавливаются не по их формальной и дистрибутивной общности, а на основе их функционального, точнее денотативного соответствия, дистрибутивные грамматики носят ограниченный характер.

Функциональному описанию языковых единиц соответствуют типы грамматик, идущие дальше синтагматического описания. Такие модели грамматик существуют и известны под разными названиями. Это трансформационная грамматика и описания, опирающиеся на парадигматический аспект грамматических фактов, иначе парадигматическая грамматика.

Необходимо отметить, что рассмотренные дистрибутивные грамматики также содержат описания, близкие к парадигматическим грамматикам. В частности, к таковым относятся описания типа «грамматическая синонимия».

Грамматическая синонимия в ее традиционном виде, однако, также не выходит за рамки грамматической формы, поскольку исходным моментом классификации продолжает оставаться форма, к которой подбираются грамматические

конструкции, выражающие идентичное значение (типа предложных именных конструкций и их синонимов, обстоятельственных придаточных и их синонимов).

В этом смысле неудовлетворительными для задач перевода являются трансформационные грамматики типа моделей Хомского и Харриса, так как исходным в описании является также набор грамматических форм ядерных конструкций, по отношению к которым другие грамматические конструкции выступают как трансформы.

Грамматикам, ориентированным на перевод, в большей степени отвечают типы описаний, где исходным моментом является значение не грамматическое, а денотативное, сема, а грамматические конструкции рассматриваются как способы ее языкового выражения.

Такие описания также существуют. Это, по сути, описания типа фундаментальной грамматики Ф. Брюно, а также существующие описания синтаксических парадигм.

Существенным недостатком названных описаний является, однако, отсутствие в них достаточно четких классификационных критериев, в частности, критериев определения исходных единиц при составлении парадигмы, выражающей единое значение, что осложняет систематизацию большого языкового материала, чем и объясняется отчасти отсутствие до сих пор достаточно полных парадигматических описаний.

Грамматики, ориентированные на перевод, могут строиться на основе лингвистических теорий, дающих достаточно твердые классификационные принципы, в нашем случае, принцип, который сочетал бы основной анализируемый признак (значение, денотат) с формальным показателем его выражения.

Одной из наиболее разработанных теорий такого типа на материале французского языка является, на наш взгляд, теория В. Г. Гака,¹ где разрабатываются принципы денотативного описания языка и выводятся понятия прямой и косвенной номинации.

Эти принципы могут быть положены в основу синтаксических парадигм. В качестве исходной структуры в парадигме считается структура с прямой номинацией на том основании, что реальные актанты совпадают с синтаксическими актантами.

Предлагается следующая процедура построения синтаксических парадигм: в основу кладется синтаксическая сема (объект действия, условие, качество и т. д.), определяет-

ся исходная — сильно маркированная — структура, выражающая данное значение; далее устанавливаются типы конструкций, выражающих данное значение. Так, из следующих конструкций, выражающих объектные отношения: *la production s'accroît, (cette méthode) accroît la production, l'accroissement de la production, la production accrûe*, исходным считается, в силу указанных признаков, глагольное предложение: *(cette méthode) accroît la production*, где значение объекта маркировано позицией дополнения, употребляющегося только в данной функции и только со значением объекта.

При переводе описанные типы парадигм используются при установлении функционального соответствия.

Так, зная указанную парадигму во французском языке, русскую конструкцию — *увеличение продукции* — переводят путем выбора из французской парадигмы соответствующих ей эквивалентов:

1) ... что приводит к **увеличению продукции**

..., qui mène à l'accroissement de la production ; ce qui mène à une production accrûe,

2) за последнее время наблюдалось **увеличение продукции**.

La production s'est accrue ces dernières années ; on assiste ces dernières années à l'accroissement de la production,

Прохождение курса грамматики, ориентированной на перевод, овладение на этой основе студентами трансформационного навыка в пределах изучаемого иностранного языка способствовало бы развитию уже заложенного навыка при переводе.

¹ В. Г. Га к. Проблемы лексико-грамматической организации высказывания. Докт. дисс. М., 1967.

Д. БИРЮКОВ

(Москва)

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ПРЕДЛОГА «ПРИ»

(Из научно-технической литературы)

Предлог «при» употребляется чрезвычайно широко в русской научно-технической литературе. Он служит для

указания разнообразных обстоятельств, сопутствующих какому-либо действию или явлению. В частности, представляет интерес тот случай, когда выражение, присоединяемое с помощью этого предлога, обозначает некоторые параметры или показатели. Имеются в виду выражения вида:

«При общем сопротивлении внешней цепи Z напряжение на зажимах генератора U при том же токе I , на основании закона Ома, выразится

$$U = IZ»^1$$

Анализ многочисленных примеров из французских научно-технических текстов, дающих при переводе выражения этого вида, показывает, что они образуются в основном с помощью двух предлогов: **à** и **pour**.

Cet alliage doit fondre à une température relativement basse.²

L'appareil peut fonctionner pour des températures de -25° à $+66^\circ$ C.

Этот сплав должен плавиться при относительно низкой температуре.

Аппарат может работать при температурах от -25° до $+66^\circ$ C.

Для выяснения того противопоставления, которое во французском языке проявляется в альтернативном употреблении предлогов **à** и **pour**, полезно прибегнуть к методу проб. Это значит, что для перевода русских предложений, содержащих выражения данного вида, мы будем пытаться использовать поочередно оба предлога и исследовать полученные результаты.

Поскольку общее правило, определяющее выбор предлога, дается заранее, мы должны при таком способе рассмотрения показать, во-первых, что эквивалентом исходного предложения на русском языке в его контекстуальном значении является вариант, отвечающий этому правилу, а, во-вторых, что другие варианты оказываются неприемлемыми, что проявляется в искажении высказывания, абсурдности или тривиальности информации.

1. **à**

Выражение с предлогом «при» относится к отдельному слову или группе слов, а не ко всему высказыванию в целом.

1) Cf. — емкость при частоте f .

Cf est la capacité à la fréquence f .

«При частоте f » относится к слову «емкость» и является, по существу, его определением.

Если:

[Cf est la capacité pour la fréquence f .]⁸

Если:

[Cf est une capacité pour la fréquence f .]

- 2) С помощью этого прибора получают характеристики I_c , V_{ce} при постоянном I_b .

Выражение « I_c , V_{ce} при постоянном I_b », куда входит интересующее нас обстоятельство, относится целиком к слову «характеристики», для которого оно служит распространенным определением.

Если:

[Cet appareil donne les caractéristiques I_c , V_{ce} pour I_b constant].

- 3) Измерение этого отношения при двух различных длинах волн позволяет определить температуру.

«При двух различных длинах волн» относится к группе слов «измерение этого отношения», определяя метод проведения измерений.

Если:

[La mesure de ce rapport pour deux longueurs d'onde différentes permet d'évaluer la température.]

- 4) Таблица, указывающая глубину проникновения в миллиметрах при различных частотах.

Обстоятельство «при различных частотах» относится к словам «глубина проникновения» и указывает, что этот показатель рассматривается в зависимости от частоты.

Если:

[Tableau donnant la profondeur de pénétration en millimètres pour différentes fréquences.]

то:

При частоте f этой емкостью будет Cf.

то:

При частоте f Cf представляет собой емкость.

Cet appareil donne les caractéristiques I_c , V_{ce} à I_b constant.

то:

С помощью этого прибора при постоянном I_b получают характеристики I_c , V_{ce} .

La mesure de ce rapport à deux longueurs d'onde différentes permet d'évaluer la température.

то:

Измерение этого отношения позволяет определить температуру при двух различных длинах волн.

Tableau donnant la profondeur de pénétration en millimètres à différentes fréquences.

то:

Таблица, указывающая глубину проникновения в миллиметрах для различных частот.

В следующих ниже примерах вид предложений на русском языке, взятых в отрыве от контекста, не позволяет сделать однозначного выбора предлога при переводе на французский язык.

Перевести такие предложения невозможно, не интерпретируя так или иначе содержащиеся в них сообщения. Здесь за основу принимаются случаи, приводящие к выбору а, чему и соответствуют дополнительные указания, сопровождающие эти примеры: выделение данного и нового в сообщении путем выделения субъекта и предиката суждения шрифтами, дополнительные пояснения и т. п.

5) **Ток возбуждения** *остается неизменным при всех нагрузках.*

Le courant dans l'inducteur est invariable à toutes les charges.

В этом суждении содержится информация о том, как ведет себя ток возбуждения в зависимости от нагрузки. Обстоятельство «при всех нагрузках» относится к словам «остается неизменным».

Если:

то:

[Le courant dans l'inducteur est invariable pour toutes les charges].

Ток возбуждения *остается неизменным при всех нагрузках.*

Это предложение отвечает на вопрос, при каких условиях ток возбуждения остается неизменным, а обстоятельство относится ко всему высказыванию «ток возбуждения остается неизменным».

6) **Этот сплав** *должен плавиться при относительно низкой температуре.*

Cet alliage doit fondre à une température relativement basse.

В этом суждении сообщается о том, каков сплав (должен быть), что ему присуще. Обстоятельство «при относительно низкой температуре» относится к словам «должен плавиться».

Если:

то:

[Cet alliage doit fondre pour une température relativement basse.]

Этот сплав *должен плавиться при относительно низкой температуре.*

Это предложение отвечает на вопрос: «При каких условиях должен плавиться сплав?» Обстоятельство относится ко всему высказыванию «этот сплав должен плавиться».

7) **Причиной этих вибраций** *являются паразитные моменты, возникающие при некоторых частотах.*

Ces vibrations sont dues aux couples parasites qui interviennent à certaines fréquences.

В данном суждении дается информация о том, что является причиной вибраций. Выражение «возникающие при некоторых частотах» относится целиком к словам «паразитные моменты», для которых оно служит распространенным определением.

Если:

[Ces vibrations sont dues à des couples parasites qui interviennent pour certaines fréquences.]

то:

Причиной этих вибраций являются паразитные моменты, которые возникают при некоторых частотах.

Это предложение распадается на два суждения, первое из которых отвечает на вопрос: «Что является причиной вибраций?», а второе — на вопрос: «При каких условиях возникают эти паразитные моменты?» (отметим необходимость изменения артикля в соответствии с новым содержанием). Обстоятельство «при некоторых частотах» относится ко всему второму высказыванию. (Слова «которые возникают», очевидно, взаимозаменяемы со словом «возникающие», в любом случае вторая часть предложения будет ответом на вопрос: «При каких условиях возникают моменты, указанные в первой части?».)

8) Срок службы — 20 тыс. операций при номинальном токе.

Longévité 20.000 changements de positions à l'intensité nominale.

Особенность этого примера состоит в том, что ни содержание предложения, ни формальная структура суждения не позволяют сделать однозначного выбора предлога при переводе. Действительно,

Если:

[Longévité 20.000 changements de positions pour l'intensité nominale.]

то:

Срок службы — 20 тыс. операций при номинальном токе.

Полученное предложение, так же как и исходное, содержит ответ на вопрос: «Каков срок службы (аппарата)?» Разница, определяющая выбор предлога, заключается, согласно общему правилу, в том, к чему относится выражение «при номинальном токе»: к слову «операций» (предлог *à*) или ко всему утверждению «срок службы — 20 тыс. операций» (предлог *pour*).

2. pour

Выражение с предлогом «при» относится не к отдельному слову или группе слов, а ко всему высказыванию в целом.

1) Аппарат может работать
<i>при температурах от -25°
до $+66^{\circ}$ C.</i> | L'appareil peut fonctionner pour
des températures de -25° à
$+66^{\circ}$ C. |
|--|--|

Обстоятельство «при температурах...» относится ко всей остальной части предложения, т. е. ко всему высказыванию в целом.

Если:

[L'appareil peut fonctionner à
des températures de -25°
à $+66^{\circ}$ C.]

то:

Аппарат может работать с
*температурами от -25° до
 $+66^{\circ}$ C.*

Выбор предлога в данном случае можно сделать непосредственно исходя из структуры суждения. Поскольку обстоятельство «при температурах...» является предикатом суждения, то оно относится к субъекту, т. е. ко всему высказыванию, содержащемуся в предложении (без самого обстоятельства).

Очевидно, такой же результат будет получен в том случае, когда обстоятельство составляет целиком субъект суждения.

В двух следующих примерах определение структуры суждения также непосредственно приводит к выбору предлога **pour**.

2) При неизменном напряжении питания <i>скорость остается практически постоянной при изменениях нагрузки.</i>	Pour une tension d'alimentation invariable, la vitesse sera sensiblement constante avec la charge.

Это предложение отвечает на вопрос: «Что происходит при неизменном напряжении питания?» Обстоятельство «при неизменном напряжении питания» является логическим субъектом суждения и относится ко всему высказыванию в целом.

3) Эти датчики <i>позволяют получить достаточно простые устройства, которые обеспечивают полное отклонение при относительно малой разности температур.</i>	Ces détecteurs conduisent à des ensembles assez simples assurant la déviation totale pour une différence de température relativement faible.

Этот пример вполне подобен примеру 7) из предыдущей части. Учитывая, что логическая структура данного предложения совпадает со структурой, полученной во втором варианте примера 1, 7) (с предлогом *pour*), к ним обоим можно применить аналогичные рассуждения.

В двух следующих примерах выбор предлога очевиден, в соответствии с общим правилом.

4) Специальные устройства поддерживают температуру внутри корпуса в пределах от $+10$ до $+60^{\circ}\text{C}$ при внешних колебаниях от -30 до $+45^{\circ}\text{C}$.

Des dispositifs de sécurité maintiennent la température à l'intérieur du coffret entre $+10^{\circ}$ et $+60^{\circ}\text{C}$ pour des variations extérieures comprises entre -30 et $+45^{\circ}\text{C}$.

5) При входном напряжении 380 в, 50 гц преобразователь вырабатывает переменное напряжение, плавно регулируемое в пределах от 100 до 175 в.

Pour une tension d'entrée de 380 V, 50 Hz, le convertisseur fournit une tension alternative continuellement ajustable de 100 à 175 V.

Исходя из всего сказанного, предложение, помещенное в начале статьи, может быть переведено на французский язык следующим образом:

«Pour une impédance du circuit extérieur Z, la tension aux bornes du générateur U à la même intensité I sera, suivant la loi d'Ohm,

$$U = IZ \text{ »}$$

¹ Е. В. Китаев, Н. Ф. Гревцев. Курс общей электротехники. Л., 1960, стр. 191.

² Здесь и далее примеры заимствованы из различных французских книг и журналов.

³ Предложения, взятые в квадратные скобки, сконструированы для целей сравнительного анализа.

VII

РЕЦЕНЗИЯ

В. КОМИССАРОВ

(Москва)

НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

Для современной лингвистики характерно усиление внимания к проблемам перевода¹. С одной стороны, есть основания полагать, что изучение лингвистической сущности переводческого процесса будет во многом способствовать решению ряда проблем в иных областях языкознания². С другой стороны, появление новых методов исследования содержательной стороны языка дает основу для научно-лингвистического осмысления переводческой практики с целью ее дальнейшего развития и совершенствования.

Книга известного американского лингвиста Ю. Найды «К науке переводить»³ является серьезной попыткой всестороннего рассмотрения переводческих проблем на основе новейших достижений лингвистики, антропологии и психологии. Автор книги в течение многих лет занимался вопросами перевода библии на различные языки мира. В связи с этим его работа имеет ряд особенностей. Перевод в ней рассматривается, главным образом, как особый род деятельности, а не как определенное соотношение речевых произведений на двух языках. Эта деятельность анализируется на примере переводов библии, т. е. довольно специфического материала. Поэтому работа затрагивает и многие вопросы, выходящие за рамки лингвистического исследования. Сюда относятся организационные проблемы, подбора коллективов переводчиков и консультантов, вопросы теологического толкования «туманных» мест в библии и пр. По этой же причине, требования к переводчику включают необходимость «божественного благословения», а среди

рассматриваемых проблем появляется вопрос о роли «непонятности» религиозных текстов с точки зрения их воздействия на верующих.

Материал исследования определил и круг собственно лингвистических проблем, затрагиваемых в монографии Ю. Найды. Этот материал включает переводы одних и тех же библейских текстов на большое число самых различных по структуре языков, на которых говорят люди, живущие в самых разных культурно-исторических условиях. Поэтому основное внимание исследователя привлекают переводческие задачи, возникающие в связи с резкими различиями в языках и культурах. Использование столь разнообразного иллюстративного материала дает возможность выявить ряд уникальных черт во многих «экзотических» языках, создающих особые трудности при переводе. Вместе с тем, такой «глобальный» охват языков ограничивает рассмотрение многих переводческих проблем, обнаруживаемых при анализе результатов переводческого процесса, в котором участвуют лишь два языка, может быть, не столь различные по структуре, но зато представленные большим числом переводов текстов разных жанров и стилей.

По содержанию рассматриваемая монография делится на три неравные части. Первые две главы посвящены постановке вопроса и краткому обзору переводческих традиций в «западном мире». В четырех последующих главах анализируются различные аспекты проблемы значения. И, наконец, последние шесть глав отведены разбору собственно переводческих проблем. Эти проблемы группируются под рубриками: «Роль переводчика», «Принципы соответствий», «Типы соответствий и расхождений», «Техника замен», «Процедура перевода» и «Машинный перевод». В конце книги приведена очень подробная библиография, включающая не только работы по теории и практике перевода, но и большое число трудов по общему языкознанию, семантике и психологии.

Уже сама структура книги свидетельствует о стремлении автора строить теорию перевода на основе новейших достижений семасиологии. Для научного осмысления процесса перевода нельзя ограничиваться требованием передачи содержания и стилистических особенностей оригинала, как это часто делалось раньше. Понятие «содержание» должно быть детализировано с целью получить набор семантических категорий, при помощи которых можно будет сопоставлять единицы оригинала и перевода и делать

выводы об их эквивалентности. Такие категории могут быть получены в результате выявления компонентов каждого из трех видов значения языковых единиц: лингвистического, референтного и эмоционального. В связи с этой задачей разделы, посвященные вопросам семантики, по объему и содержанию занимают центральное место в книге. После общего определения языка как кодовой системы и краткого обзора возможных способов описания его содержательной стороны (Глава 3) Ю. Найда посвящает четвертую и пятую главы своей книги подробному рассмотрению приемов анализа значения языковых единиц.

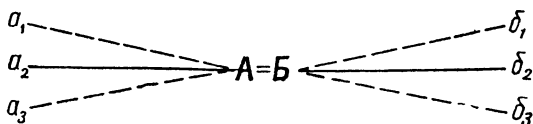
Прежде всего анализируется лингвистическое значение (Глава 4), которое Ю. Найда предполагает описывать в терминах сочетаний четырех функциональных классов слов и морфем: слова-объекты, слова-события, абстракты и релятивы. При этом отдельное слово может одновременно иметь несколько функций, например, *правитель* выражает и объект и событие, т. е. «тот, кто правит». Функциональные отношения выявляются путем сведения любых сочетаний к ядерным, «структурно наиболее простым и семантически наиболее очевидным». Отсюда предлагается следующая процедура перевода:

1. Сведение оригинала к ядерным конструкциям.
2. Перенос значения на язык перевода на уровне этих простейших структур.
3. Порождение стилистически и семантически эквивалентного выражения в языке перевода⁴.

Несомненно, различение значений ядерной и терминальной конструкции весьма плодотворно для теории перевода. Эквивалентность ядерных структур оригинала и перевода является, в большинстве случаев, необходимым условием правильной передачи лингвистического значения. Однако при указанной процедуре остается нераскрытым, каким образом мыслится переход от второго этапа к третьему. Именно «порождение стилистически и семантически эквивалентного выражения», т. е. выбор необходимой терминальной конструкции в языке перевода, и представляет наибольшую сложность для переводчика. Для решения этой задачи анализ должен быть продолжен, чтобы определить, чем отличается терминальное значение от ядерного. К сожалению, Ю. Найда не затрагивает эту проблему. Мы же полагаем, что описание переводческих трансформаций должно включать не только набор «ядерных соответствий»

между ИЯ и ПЯ, но и указания на соотношение между терминальными структурами в обоих языках, восходящими к ядерным эквивалентам.

В самом деле, если a_1, a_2, a_3 — терминальные конструкции в ИЯ, A — ядерная конструкция, к которой они сводятся в этом языке, B — эквивалентная ей ядерная структура в ПЯ и b_1, b_2, b_3 — терминальные трансформы, могущие быть получены из B , то отношения между этими элементами будут изображаться следующим образом:

Трансформацию при переводе исходной терминальной структуры, например, a_1 можно представить как ряд последовательных преобразований: $a_1 \rightarrow A \rightarrow B \rightarrow b_1$. Может показаться, что процесс перевода (т. е. межъязыковая трансформация) имеет место лишь на этапе $A = B$, т. е. на уровне ядерных структур, поскольку $a \rightarrow A$ и $B \rightarrow b$ — это трансформации в пределах одного языка. Отсюда легко сделать вывод, что теория перевода может ограничиться описанием соответствий между ядерными структурами двух языков. Однако, если трансформация в ИЯ на этапе анализа текста оригинала может рассматриваться безотносительно к процессу перевода, то переход от ядерной к терминальной структуре в ПЯ не может осуществиться подобным образом. Выбор терминальной структуры в переводе, т. е. выбор между b_1, b_2, b_3 зависит уже не от ядерной конструкции B , общей для всех их, и не от «ядерного соответствия» A в ИЯ, а от того, какая терминальная структура имела в исходном тексте⁵. Иначе говоря, необходимо установить, что структуре a_1 в оригинале соответствует в переводе именно b_1 , а не b_2 или b_3 . Подобное соответствие может быть выявлено либо путем непосредственного сопоставления значений a_1 и b_1 , либо путем выявления общности правил, при помощи которых эти структуры соотносятся со своими ядерными конструкциями. Таким образом, список переводческих соответствий будет включать не только ядерные, но и терминальные структуры.

Пятая глава книги посвящена описанию методов анализа референтного и эмоционального значений. Однако факти-

чески, в ней рассматриваются проблемы, связанные с референтным значением, поскольку лишь оно, по мнению автора, может быть исследовано методом структурных оппозиций. В отношении же эмоциональных значений, предлагается выявлять их, либо изучая реакцию носителей языка на соответствующие слова, либо наблюдая за употреблением слова совместно с другими словами, у которых уже установлено наличие эмоционального значения.

Что касается референтного значения, то в главе подробно разбираются приемы анализа как групп слов, значения которых составляют особые подсистемы (например, термины родства), так и семантически изолированных слов. Описание отдельных методов анализа значения (цепной, иерархический, компонентный — для групп слов; деривационный, компонентный, дистрибутивный — для изолированных слов) отличается исключительной четкостью. Особое внимание уделяется разграничению значений многозначного слова методом семантических меток⁶. При анализе постоянно отмечается возможность несовпадения структуры референтного значения у слов разных языков, используемых для называния одинаковых явлений. К сожалению, в книге отсутствует сопоставление различных компонентов значения с точки зрения обязательности их передачи в переводе. Эта сложная, но столь необходимая работа остается делом будущего.

Большой интерес представляет содержание шестой главы книги: «Динамическое измерение в коммуникации». Описывая процесс коммуникации в терминах теории информации, Ю. Найда убедительно обосновывает важность понятия «информационная нагрузка» для теории перевода. Как известно, надежность приема (понимания) любого сообщения Рецептором (слушающим или читающим) обеспечивается благодаря большой избыточности речи. Трудность понимания текста зависит от количества информации, измеряемого степенью неопределенности, неожиданности появления в тексте составляющих его элементов. Увеличение количества информации путем использования в сообщении редких слов, необычного синтаксиса и других формальных элементов, непривычных для Рецептора (т. е. обладающих большой неопределенностью), затрудняет прием, «декодирование» полученного сообщения. Поскольку перед переводчиком стоит задача обеспечить для иноязычного Рецептора надежный прием сообщения, содержащегося в исходном тексте, возникает проблема сохранения в

переводе достаточной степени избыточности и легкости декодирования. Вместе с тем, следует учитывать, что, например, ситуативная избыточность, имеющаяся в оригинале для носителей ИЯ, которым предназначается исходное сообщение), как правило, в гораздо меньшей степени существует для читателей перевода. Поэтому при переводе приходится создавать дополнительную избыточность в самом тексте перевода, чтобы уравновесить отсутствие ее у рецептора и таким образом избежать увеличения информационной нагрузки.

Понятие информационной нагрузки позволяет более четко сформулировать такие положения теории перевода, как неприемлемость буквального перевода, приращение информации при переводе, зависимость перевода от аудитории, на которую он рассчитан, и пр. Так, буквальный перевод перегружает сообщение информацией (высокая степень неопределенности, необычности форм), затрудняя декодирование. Даже если формы, использованные в переводе, отмечены в ПЯ («так можно сказать»), перевод может казаться неравноценным оригиналу по информационной нагрузке, т. е. степени избыточности.

При рассмотрении роли переводчика (Глава 7) затрагивается целый комплекс организационных проблем, как-то: перевод с родного языка, на родной язык и с одного иностранного языка на другой, мотивы, побуждающие переводчика заниматься этим родом деятельности, «бригадный метод» работы при переводе Библии и т. п. Содержание главы, несомненно, выходит за рамки лингвистического исследования. Характерен в этой связи перечень требований, которым должен удовлетворять хороший переводчик: 1. Знание обоих языков, особенно языка перевода. 2. Знание предмета. 3. Чувство «соучастия», дар подражания. 4. Естественная близость к автору, желательна одинаковый язык. 5. Дар литературного изложения (такой же талант, как у автора, или хотя бы талант того же рода). 6. Божественное благословение.

Центральное место в описании соотношения между текстами оригинала и перевода (Глава 8) занимает различие двух видов эквивалентности: формальной и динамической. Формальная эквивалентность, как ее определяет Ю. Найда, ориентирована на оригинал» и имеет целью обеспечить возможность непосредственного сопоставления разноязычных текстов. Подобная эквивалентность достигается обязательным сохранением части речи при переводе, отсутствием

членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранением пунктуации, разбивки на абзацы, а также применением принципа конкорданса (т. е. перевод определенного слова всегда одним и тем же соответствием). Кроме того, все идиомы калькируются, любые отклонения от буквы оригинала объясняются в сносках и т. д. Такой перевод, как правило, не может быть понятым без примечаний и предполагает параллельное пользование текстом оригинала. Что касается динамической эквивалентности, то она «ориентирована на реакцию Рецептора» и стремится обеспечить равенство воздействия на читателя оригинала и перевода. Это предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, «как автор написал бы на ином языке».

Различение формальной и динамической эквивалентности позволяет выработать методику количественного анализа переводов. По этой методике процесс перевода делится на три этапа. Первый этап — «буквальный перенос», т. е. пословное перекодирование оригинала в соответствующие единицы языка перевода. В результате этого этапа получается малопонятный текст, который служит исходной точкой анализа. Затем следует второй этап — «минимальный перенос», включающий грамматические и лексические модификации, обязательные в языке перевода в связи с наличием в нем определенных категорий. И, наконец, третий этап — «литературный перенос», на котором производятся все дополнительные изменения для окончательного оформления перевода. Различие между несколькими переводами одного и того же текста будет обнаруживаться в количестве факультативных изменений при переходе от второго этапа к третьему, изменений, отражающих уже творческую деятельность переводчика.

Особенно богата лингвистическим материалом Глава 9, в которой описываются расхождения между соответствующими фонологическими, грамматическими и лексическими категориями многочисленных языков, вызывающие необходимость замен при переводе. Наряду с многими категориями, которые обычно рассматриваются в сопоставительном плане в работах по теории и практике перевода, здесь можно найти целый ряд уникальных наблюдений, углубляющих наше понимание переводческого процесса. Это прежде всего относится к анализу соотношения в разных языках структур различных типов высказывания (повествование, беседа, изложение взглядов, декламация и

пр.), а также анализу динамических соответствий, как результата взаимодействия всех элементов текста.

В Главе 10 дается общая формулировка причин, вызывающих необходимость модификаций при переводе, и приводится описание основных типов таких модификаций. Ю. Найда выделяет четыре цели, которые преследует переводчик, прибегая к использованию замен: 1. Приспособить форму сообщения к требованиям ПЯ. 2. Получить семантически эквивалентные структуры. 3. Обеспечить стилистически эквивалентное соответствие. 4. Передать эквивалентную коммуникативную нагрузку.

Как нетрудно заметить, эти цели являются одновременно и критериями полноценного перевода, поскольку они совпадают с требованиями соблюдать нормы языка перевода, эквивалентно передавать содержание и стиль оригинала и сохранять его коммуникативную нагрузку.

Переводческие модификации рассматриваются под рубриками: 1. Добавления. 2. Опускания. 3. Изменения.

Под рубрикой «Добавлений» описываются следующие случаи: 1. Заполнение эллипсов. 2. Вынужденное уточнение, обусловленное двусмысленностью оригинала или стремлением избежать ложных ассоциаций. 3. Дополнения при изменении грамматической структуры (указание деятеля при изменении залога, добавление категориальных значений при замене частей речи и пр.). 4. Эксплицитная передача имплицитного смысла. 5. Ответы на риторические вопросы. 6. Применение классификаторов типа: река Иордан, город Иерусалим и т. д. 7. Повторение части предыдущего высказывания в качестве связующего звена. 8. Использование лексических дублетов типа: «взял и пошел».

Опускания при переводе касаются следующих элементов оригинала: 1. Повторов. 2. Излишних упоминаний референта (напр., замена имени местоимением). 3. Союзов. 4. Связующих звеньев. 5. Категорий ИЯ, отсутствующих или менее употребительных в ПЯ. 6. Некоторых обращений. 7. Некоторых условных формул речи, неприемлемых в ПЯ.

Изменения при переводе включают замену звуков, грамматических категорий, частей речи, порядка элементов, типа связи между предложениями, отдельных слов и фразеологических единиц.

Особый интерес представляют замечания Ю. Найды о необходимости изменений в переводе в связи с расшире-

нием знаний аудитории о предмете, а также о том, что предыдущие переводы данного текста становятся частью опыта народа и языка перевода и оказывают влияние на все последующие переводы.

Глава 11 посвящена, главным образом, организационной стороне деятельности переводчика, связанной с изучением различных документов по теме перевода, редактированию, подготовке перевода к печати и т. п. Глава 12 носит информационный характер. В ней приводится описание основных направлений работ в области машинного перевода и рассматриваются перспективы и трудности этих исследований. Не будучи непосредственно связанной с остальной частью работы, эта глава имеет целью дать представление о вкладе, который могут внести исследования по машинному переводу в общую теорию перевода.

Монография «К науке переводить» по всестороннему охвату переводческих проблем и их научно-лингвистической трактовке, несомненно, находится на переднем крае современных переводческих исследований. Вместе с тем, она свидетельствует о том, что в лингвистической теории перевода накоплен большой и весьма ценный материал, который должен быть обобщен и сведен воедино.

- ¹ См. В. Н. Комиссаров. Теории перевода в современной лингвистике. «Лингвистика и методика в высшей школе», Вып. 5, МГПИИЯ им. М. Топеза. М., 1970.
- ² R. Jakobson. On linguistic aspects of translation. In R. Brower, ed. "On Translation", Cambridge, 1959; Л. С. Бархударов. Общелингвистическое значение теории перевода. «Теория и критика перевода». Л., Изд-во ЛГУ, 1962.
- ³ E. Nida. Toward a science of translating. Leiden, 1964.
- ⁴ Ср. схему процесса перевода в кн. И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964.
- ⁵ Разумеется, здесь мы абстрагируемся от неграмматических факторов, которые могут оказывать влияние на выбор грамматической формы в переводе.
- ⁶ См. J. Katz and J. Fodor. The structure of a semantic theory. "Language", 39, 1963.

I. Теоретические проблемы перевода

- Л. Черняховская. Некоторые закономерности речевой деятельности применительно к теории перевода . . . 3

II. Конкретные вопросы переводческой практики

- Т. Левицкая и А. Фитерман. Почему нужны грамматические трансформации при переводе? . . . 12
- Ю. Денисенко. О некоторых проблемах выбора слова в русско-английском переводе . . . 23

III. Вопросы художественного перевода

- В. Шор. О завоеваниях советской переводческой школы . 37

IV. Проблемы устного перевода

- Г. Чернов. Экспериментальная проверка одной модели . 55
- Е. Сладковская. Прогнозирование на уровне цели высказывания . . . 61
- А. Шумихин. Прогнозирование на уровне предикации . 65

V. Вопросы лексикографии

- В. Гак. О двусторонней эквивалентности в двуязычных словарях. . . 68
- Г. Павлов. Многоязычный словарь сокращений . . . 79
- Н. Вазем. О «лишней» лексике в отраслевых научно-технических словарях . . . 88
- В. Берков. Некоторые вопросы словника двуязычного словаря . . . 92

VI. Заметки

Б. Ф о к и н. Построение учебного пособия по переводу для специальных факультетов	101
Г. С а в е л ь е в а. О грамматике, ориентированной на пере- вод	106
Д. Б и р ю к о в. Частный случай перевода на французский язык предлога «при».	110

VII. Рецензия

В. К о м и с с а р о в. На пути к созданию науки о переводе.	117
--	-----